

Карина Демина

Механическое сердце.

Искры гаснувших жил

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Что общего у королевского следователя, мастера-оружейника, благородной леди и крайне невезучей террористки? У каждого своя жизнь и свой путь, но однажды эти пути пересекутся на грязных улицах Нижнего города, сплетаясь в один узор. В нем оживает прошлое, которое недавно казалось похороненным. И тот, кто вчера был обузой, сегодня превращается в единственную надежду на спасение. Само будущее, предопределенное, не обещавшее ничего, кроме одиночества, вдруг даст шанс на счастье.

Вот только хватит ли смелости воспользоваться этим шансом?

Карина Демина

Механическое сердце. Искры гаснущих жил

Кэри ненавидела игру в прятки.

— Раз... два...

Голос брата разносился по пустому холлу, поторапливая. Бежать.

Куда?

Вверх по лестнице.

— Три...

Налево. Темнота коридора и прямоугольники-двери.

— Четыре и пять...

Он не торопится. А Кэри спешит, дергая ручку. Заперто... и следующая тоже... в этом доме полно запертых дверей.

— Я иду тебя искать...

Дверь открывается с протяжным скрипом, и Кэри ныряет в пыльный полумрак комнаты. На третьем этаже давно никто не живет, и Кэри запрещено сюда заглядывать, но... где еще ей спрятаться?

Комната невелика. Почти всю ее занимает огромная кровать с пропыленным балдахином. Старые гардины плотно сомкнуты, словно сшиты паучьей тонкой нитью. Еще есть стол и гардеробный шкаф с резной дубовой короной. И Кэри, прислушавшись — бесполезно, он всегда ступает бесшумно, — забралась в меховую, набитую старыми шубами утробу.

— Кэри... — Его голос долетел издалека. — Ты где?

Он приближался. Неспешно, хотя наверняка уже взял ее след.

— Здесь? Не, здесь заперто... и тут заперто... и эта тоже...

Ближе и ближе. С каждым шагом.

— А здесь открыто... Кэри, ты же не выбрала эту комнату? Не разочаровывай меня, сестричка. Ты должна была хорошо спрятаться... так хорошо, чтобы я не нашел тебя.

Кэри замерла, жаль, что вонь отсыревшего меха не так сильна, чтобы перебить ее след.

— Где наша Кэр-р-ри? — Он остановился напротив гардероба. — Под кроватью, быть может?

Он знает. Но тянет время, ведь если откроет дверь, то игра закончится. А ему нравится играть в прятки, не прятаться — искать.

Охотиться.

Раньше они вместе охотились в саду на майских жуков, и Сверр приносил их в кулаке, раздраженных, шелестящих, а Кэри подставляла металлическую коробку от монпансье. Внутрь она заботливо клала траву, чтобы жукам было что есть, а Сверр пробил в крышке дырки, и жуки могли дышать. Они возились в жестянке, скребли лапами, жвалами, норovia выбратся, и Кэри, прижав коробку к уху, подолгу слушала. Чудились ей возмущенные жучиные голоса, а вечером они вместе жуков отпускали, чтобы поутру было на кого охотиться вновь.

Тогда Сверр был другим.

Добрый.

Зато теперь Кэри знает, каково было тем жукам.

— Нет, под кроватью ее нет. Да и что маленьким девочкам делать под пыльной

кроватю? Тогда... за гардинами прячется, Кэр-р-ри?

Кольца скрипят, сдвигаясь. И верно, потревоженная пыль окружает его, заставляя чихать.

— И здесь ее нет. — В его голосе проскальзывает легкое удивление. — Как хорошо спряталась наша Кэр-р-ри. Быть может, я и вовсе ее не найду?

Он отступает и трогает дверь, Кэри слышит ее скрип, но этот звук — часть игры. И Кэри, упираясь ногами и руками в дно гардероба, пытается отползти, спрятаться в мехах. Длинный ворс щекочет щеки, лезет в рот, пыль забивается в нос... и шкаф не так уж глубокий.

— Найду, конечно, найду.

Его голос близко.

— Например, вот здесь!

Он распахивает дверцы, едва не срывая их с петель.

— Я тебя нашел!

Его пальцы впиваются в руку Кэри и тянут. Она же упирается, понимая, что это лишь сильнее разозлит его. Но ей так страшно...

...Однажды Сверр вырвал жестянку и швырнул в костер.

— Поймал, поймал! — Вытащив Кэри, он позволяет ей встать на ноги и сам одергивает платье. — Измялось. И пыль в волосах. На кого ты похожа, Кэри?

Она знает, как правильно отвечать на этот его вопрос и, опустив взгляд — он ненавидит, когда она смотрит ему в глаза, — говорит:

— На выродка.

— Умница. — Наклоняясь, Сверр касается холодными губами лба, и Кэри застывает: нельзя его провоцировать. — Но тебя оставили в приличном доме. И ты должна быть благодарна.

— Я благодарна.

Он аккуратно снимает пыль и паутину с ее волос, расправляет каждую складочку на платье и, коснувшись сжатых кулаков — Кэри тотчас разжимает руки, — произносит с упреком:

— Недостаточно благодарна, если позволяешь себе так выглядеть.

Ему нравится воспитывать ее... иногда.

Вечером мисс Гранж, в кои-то веки молчаливая, хмурая, сама поможет Кэри раздеться и, смазав свежие ссадины сандаловой мазью, уложит в постель. Она расчесет волосы и заплетет рыхлую косу, а потом, вместо того чтобы просто уйти, как делает всегда, присядет рядом.

— Скоро он уедет, — скажет она. — Потерпи... терпение — главная добродетель женщины.

— Почему? — Однажды, когда он сделал слишком больно, Кэри задала этот вопрос. И сунула руку под подушку, где прятался украденный на кухне нож.

Она устала терпеть, и завтра, когда Сверр захочет поиграть снова, Кэри ответит.

— Потому что, милая, — лицо мисс Гранж вдруг сделалось старым, некрасивым, — этот мир принадлежит мужчинам. И если ты хочешь выжить...

Она сунула руку под подушку и вытащила нож. Кэри не собиралась разжимать пальцы, но мисс Гранж покачала головой.

— Тебе надо научиться делать то, что они хотят. Иначе будет хуже... много-много хуже, Кэри. Поэтому терпи. Помни, что терпение...

— Главная добродетель женщины, — ответила Кэри, выпуская рукоять. Наверное, мисс Гранж права. Вряд ли у Кэри получится ударить его, а если получится, то что тогда?

Он разозлится, и... да, будет много хуже.

— Он скоро уедет. — Мисс Гранж наклонилась и поцеловала Кэри в лоб. — Думай об этом.

...раз, два, три, четыре, пять...

Сверр ушел навсегда, но его голос вновь пробирался в сон Кэри.

...я иду тебя искать...

Смотри, Кэри, найду — пожалеешь. Прячься хорошо...

Длинная тень скользит по стене. У нее изломанные руки и тонкие пальцы, которые шевелятся, словно за стену цепляются.

Ближе и ближе.

Сбивается дыхание. И сердце замирает в тщетной надежде, что тень не услышит его.

...Кэр-р-ри...

Вздрагивают гардины.

...раз-два-три...

Снова и снова он повторяет ненавистные слова.

...четыре-пять...

Тень изгибается в причудливом поклоне.

...я нашел тебя, Кэр-р-ри.

Он тянется и, не способный дотянуться, шипит от злости. Еще немного...

...я нашел тебя.

Кэри проснулась, закусив губу, сдерживая крик.

Тишина. Темнота. Квадрат окна, разрезанный узорчатой решеткой. Тяжелый запах роз, недавно казавшийся раздражающе резким, успокаивает.

Розы.

Ваза. Прикроватный столик, на котором стоит графин с водой и стакан. Темное озеро зеркала на противоположной стене.

Сон. Всего-навсего сон. Очередной кошмар, к которым она привыкла.

И Кэри, сев на кровати, коснулась пальцами пола.

Холодный... осень на дворе. И тот, кто преследует Кэри во снах, несколько недель как мертв.

— Мертв, — повторила Кэри, пробуя слово на вкус. — Мертв... умер... совсем умер и не придет.

Она смахнула слезу, и вторую тоже, закусив губу, приказала себе не плакать: леди Эдганг обладала на редкость острым слухом, а стены во дворце были удивительно тонки.

Кэри поднялась и на цыпочках, стараясь не потревожить паркет, подошла к окну. Забравшись на широкий подоконник, она прижала ладони к холодному стеклу. Покрытое рябью дождя, оно утратило прозрачность, но Кэри, как когда-то в детстве, упрямо пыталась разглядеть, что же находится по ту его сторону.

...старый сад и два куста шиповника, что сплелись ветвями, создавая удивительный узор белых и красных цветов.

...трехцветная кошка, которая имеет обыкновение дремать в тени этих кустов.

...и воробьи, прилетающие поглазеть на ленивую кошку.

Кэри бросала им хлебные крошки, воробьи сустились, верещали, а кошка приоткрывала то один, то другой глаз. Хвост ее вздрагивал, но кошка была слишком старой для охоты.

И доверчивой.

Кошка привыкла, что в старом поместье к ней относятся с уважением. Она и не попыталась убежать. Да и, наверное, она тоже помнила Сверра другим.

Кэри часто заморгала, отгоняя непрошенные слезы.

Умер. И не вернется.

Никогда.

На подоконнике она просидела до рассвета и очнулась, когда где-то далеко скрипнула дверь и раздался громогласный голос Элоис. Старая горничная была глуховата и имела чудную привычку говорить сама с собой. И вот теперь она приближалась, ворча:

— Спина ноет и ноет... придумали... слякоть... кой день кряду... а и камины...

Кэри слышала отдельные слова, которые перемежались вздохами, и тяжелую поступь Элоис, ее кряхтение и кашель. Вот горничная остановилась у двери леди Эдганг и постучала. Ответа она не дождалась, надела на ручку всем своим немалым весом. И раздался недовольный голос леди Эдганг:

— Сколько раз вам повторять, что я не нуждаюсь в вашей помощи.

Кэри поморщилась, представив гримасу презрения на лице леди Эдганг.

— И я бы хотела побеседовать со старшей горничной. Вы передали мое желание?

Она сидит в кресле, придвинутом вплотную к камину. Его топят, конечно, но слабо, так что рыжая пленка огня едва-едва покрывает сырые дрова. Лишь к обеду пламя разгорится, плеснет недолгим теплом. И стены, быть может, немного прогреются.

Эта часть дворца была старой, и стены, поросшие снаружи виноградом, изнутри пестрели многочисленными трещинами. Их замазывали, скрывали за дорогими панелями или вот обоями, но ведь теплее от этого не становилось.

И леди Эдганг мерзла, что не улучшало ее настроения.

— Тогда почему старшая горничная до сих пор не явилась? — Она наверняка встала и подошла к Элоис вплотную. И та потупилась, не зная, что ответить, дабы не обидеть гостью.

Впрочем, и Кэри, и самой леди Эдганг ответ был известен: они не столь значительные персоны, чтобы старшая горничная тратила на них свое время. И быть может, уже завтра их переведут из этих комнат в городскую тюрьму. А там и вовсе казнят...

— Да уберетесь вы с глаз моих или нет? — Леди Эдганг повысила голос. И значит, настроение у нее ныне более мерзкое, чем обычно. Плохо...

Кэри со вздохом покинула насиженное место и, сунув озябшие руки в подмышки, нырнула под одеяло. Пуховое, некогда оно было роскошным, но за многие годы истончилось. Его досыпали пером, и то лезло сквозь ткань.

А простыня за ночь заледенела.

— Леди Кэри, — Элоис не стала утруждать себя стуком, просто толкнула дверь, — вставайте. Светло уже. Солнышко встало, а вы в постели.

В громком ее голосе, в самом облике, тяжеловатом, неуклюжем — и этот факт леди Эдганг сочла оскорблением, — было что-то уютное. И Кэри нравилось смотреть на Элоис. Вот она, прихрамывая, подбирается к шторам, берет в руки крюк и тянется, цепляя подвесы. Шторы расползаются, впуская рассеянный свет. Вот Элоис переминается у подоконника, метелкой из куриных перьев стирая невидимую пыль, вот, вздыхая, идет к гардеробу...

Он заполнен едва ли на треть, и все платья сшиты из серой грубой ткани. Пожалуй, в

них Кэри и сама похожа на горничную. Ну или на гувернантку.

Гризетка.

Сверр бы одобрил.

— В мое время, — ворчит Элоис, вытягивая очередной наряд, который ничем-то не отличался от вчерашнего, — молодые девицы вскакивали засветло... вот помню...

Воспоминаний у Элоис было слишком много, и они не удерживались в ее голове, но выплескивались на собеседника ворохом слов. Порой Элоис забывала, о чем шла речь, и перескакивала с одной истории на другую...

— ...и все-то сама делать спешила. Не то что нынешние. — Усадив Кэри перед зеркалом, она взялась за гребень. — Бедная ты моя девочка...

— Я?

Кэри удивилась: прежде Элоис при всем дружелюбии не позволяла себе подобного.

— Ты, ты. — Массивная ладонь Элоис коснулась волос. — Кто ж еще... сиротка... мамы небось знать не знаешь?

— Не знаю, — согласилась Кэри и мысленно пожелала себе прикусить язык. Конечно, ее происхождение ни для кого не секрет, но не хватало еще со служанкой о родителях сплетничать.

— А батюшка помер... вот и говорю, сиротка... некому заступиться. — Тяжко вздохнув, Элоис вернулась к прерванному занятию. Несмотря на грубые руки и толстые пальцы, с волосами она управлялась ловко. — Замуж тебя отдадут. Слышала... — Она вдруг перешла на шепот и, склонившись к самому уху, заговорила: — Слышала от Марты, а у нее сестра при ее величестве служит, что сговорили тебя.

— За кого?

Новость была не то чтобы неожиданной, скорее Кэри не думала, что ее судьба решится так быстро. Но... замуж? Все лучше, чем в тюрьму и уж тем паче — на плаху.

Элоис ловко заплела косу, которую подвязала простой синей лентой.

— Оден. Из рода Красного Золота.

Сильный род... и, наверное, это хорошая партия, особенно для такой, как Кэри.

— Говорят, — Элоис наклонилась ниже, и теперь тяжелая грудь ее давила на плечо Кэри, — будто он сумасшедший... бедная моя девочка...

Ее жалость была липкой, как патока. И Кэри с облегчением выдохнула, когда Элоис, закончив убираться, вышла из комнаты. Причитания ее доносились и из коридора.

Бедная?

Скорее невезучая. Прикусив мизинец — это всегда помогало сосредоточиться, — Кэри бросила быстрый взгляд в зеркало и вздохнула.

Сумасшедший муж... что ж, ей приходилось иметь дело с сумасшедшими. И быть может, это тот, кто преследует Кэри во снах — она отказывалась вспоминать его имя, — мстит ей?

— Кэри, дрянная девчонка, — скрипучий голос леди Эдганг отвлек от размышлений, — что ты там возишься? Где мои капли? Тебе нельзя доверить и столь элементарного дела?..

И хозяйка у нее тоже сумасшедшая.

Сдавленно хихикнув, Кэри поднялась. Вдруг повезет и леди Эдганг, приняв капли, затихнет хотя бы на пару часов? Пара часов тишины и одиночества... разве так много Кэри просит?

И еще бы мужа такого, с которым не придется играть в прятки.

Она ненавидит эту игру.

Она вообще ненавидит игры.

В покоях ее величества было жарко.

Горел камин, облицованный белым камнем. Тепло исходило от стен, закрытых вишневыми шпалерами, от мраморного пола. Оно проникало сквозь тонкие подошвы атласных туфель — их принесли Кэри вместе с платьем — и сквозь чулки, отогревая озябшие ступни. И Кэри с трудом сдерживалась, чтобы не подуть на руки.

Все-таки она замерзла...

— Какое очаровательное дитя. — Ее величество очнулись от дремы. — Подойди.

Кэри подчинилась и, остановившись на краю ковра, склонилась в глубоком поклоне.

— Очаровательное...

Голос королевы был холоден.

Да и сама она... Впервые увидев эту женщину, Кэри удивилась. И это королева?

Невысокая. Немолодая. Некрасивая.

У нее круглое одутловатое лицо с мягкими, поплывшими чертами и излишне белой кожей. Кэри не могла отделаться от ощущения, что само это лицо слеplено из мягкого воска. Немного тепла, и оно растает. Волосы ее величества имели неприятный желтоватый оттенок, и седина в них как-то очень уж бросалась в глаза. И одета она была просто, в темное, лишенное всяких украшений платье: ее величество пребывали в трауре, и не следовало забывать об этом.

— Встань. И подойди ближе. Наклонись, милая, дай на тебя полюбоваться. — Все тот же ленивый равнодушный тон. И влажное прикосновение пальцев к подбородку. — Девочка и вправду миловидна. Сколько ей?

— Пятнадцать, ваше величество, — ответила леди Эдганг.

— Маловато... но ничего.

Королева поворачивала голову Кэри влево и вправо, разглядывая.

Наконец Кэри отпустили, и ее величество обратили внимание на леди Эдганг. В тусклых глазах королевы мелькнула тень, но исчезла прежде, чем Кэри успела понять, что же эта тень означает. Ее величество молчали долго, и Кэри не знала, как следует себя вести.

— Мой сын надеется, что вы осознаете ненадежность вашего положения. — Ее величество поднялись. — И то, что дальнейшая ваша судьба, леди Эдганг, зависит исключительно от вашего благоразумия.

О Кэри словно и забыли.

— Мой род...

— Предал корону. — Ее величество взмахом руки велели замолчать, и леди Эдганг поджала губы.

Она злится.

И потом, вечером, сорвет злость на Кэри.

Так было и так будет.

— Поведение вашего сына и вашего мужа... — Шелестели юбки королевского платья, но голос ее величества пробивался сквозь этот шелест. — Поставили всех нас перед крайне неоднозначным выбором. К сожалению, мы не можем закрыть глаза на то, что произошло. Но нам не хотелось бы, чтобы столь древний род погиб.

— Он уже погиб. — Леди Эдганг не сдержалась.

— Еще нет. Пока есть эта милая девочка...

Королева обошла Кэри, и та сжалась. Сейчас эта мягкая некрасивая женщина отчего-то внушала истинный ужас. Кэри затаила дыхание. Ее поворачивали, наклоняли, вновь ощупывали, словно толстые пальцы ее величества способны были увидеть нечто скрытое от глаз.

— Сильная кровь возродит род Лунного Железа. — Ее величество убрали руку, и Кэри смогла дышать. — Мой сын нашел вам мужа, милая.

Тишина.

Надо ответить, но как?

— Правда... — Щелкнули пальцы, и Кэри вздрогнула. Она подняла голову и замерла, зачарованная взглядом. Глаза у королевы были блеклыми, безжизненными и в то же время невероятно притягательными. — Есть одно крайне неприятное обстоятельство. Ваш будущий супруг... несколько упрям. И не горит желанием связывать себя узами брака... с вами.

Ее величество отступили, оказавшись между Кэри и леди Эдганг.

— Оден вбил себе в голову, что женат на... альве. Но этот брак недействителен.

Кэри ничего не поняла.

— Мой сын желает исправить допущенную ошибку, и как можно скорее. — Теперь ее величество повернулись к леди Эдганг: — От вас же требуется одно: сделать все, чтобы воля моего сына была исполнена. Ясно?

Как?

Но, видимо, леди Эдганг знала ответ на этот вопрос. И, согнувшись в поклоне, она глухо произнесла:

— Да, ваше величество.

— Надеюсь, вы сумеете объяснить вашей воспитаннице, — при этом в голосе королевы скользнула насмешка, — как следует вести себя.

— Да, ваше величество.

— Замечательно...

Ее величество вернулись к креслу, корзинке с рукоделием и засахаренным фруктам. Впрочем, не прошло и минуты, как королева погрузилась в полудрему. И леди Брюнн, статс-дама ее величества, знаком велела удалиться.

Их не провожали.

А вечером Элоис, помогая Кэри подготовиться ко сну, щедро делилась сплетнями.

Будущий супруг Кэри был старше ее на двадцать лет.

И он четыре с половиной года провел в плену.

Он сошел с ума и влюбился в альву.

А еще убил брата Кэри. И Кэри, слушая жадный захлебывающийся шепот горничной, кивала, думая о своем: стоит ли сказать ему спасибо?

В холодной постели — Элоис, желая услужить, сунула в нее грелку, но та остыла и протекла — Кэри смежила веки, пообещав себе, что сегодня будет спать без снов. Но стоило луне заглянуть в окно, как Кэри услышала знакомый голос:

— Раз-два-три-четыре-пять. Я иду тебя искать.

Глава 2

Женщина сидела у камина, и пламя тянулось к ней, отблески его ложились на волосы, добавляя потускневшим прядям цвета, скользили по лицу. И женщина по-кошачьи щурилась, порой вскидывала руку, касаясь щек, на которых горел болезненный румянец.

— Жениться тебе надо, — проворчала она, убирая выбившуюся из поредевшей косы прядь. — А не со мной сидеть.

— Это позволь мне решать. Ешь. — Брокк закрепил на подлокотниках кресла переносной столик. — Доктор сказал, что ты должна поесть.

На столике появились чашка с бульоном и высокий стакан с травяным отваром.

— Не хочется.

— Надо, Дита.

Ей было стыдно. За бледность. За слабость. За то, что руки дрожали, с трудом удерживая ложку.

— Вот так. — Брокк расправил белоснежную салфетку. — Давай, ложку за меня...

— Прекрати.

— И вторую тоже за меня...

Она попыталась улыбнуться, хотя боль, терзавшая ее изнутри, не отступала ни на мгновение. Не спасали ни диета, ни травяные отвары. Лишь лауданум дарил забвение, но дозу приходилось увеличивать.

— И третью... я крупный, за меня много надо.

Дитар глотала бульон, который казался одновременно и горьким, и невыносимо сладким.

— Умница. А четвертую за Лили. Ты ей писала?

— Писала, но... Брокк. — Дитар облизала сухие губы. Пить хотелось почти всегда, но вода причиняла новую боль. — Я... не смогла.

— И хорошо. Незачем девочку волновать. Вот приедет на зиму, тогда и...

— Если я доживу до зимы.

— Доживешь. — Он был упрям, как все псы. И порой Дитар начинало казаться, что именно это его упрямство удерживает ее среди живых. Рядом с Брокком болезнь отступала, и пусть передышка была недолгой, но она позволяла собраться с силами.

И протянуть день.

Или два.

— Брокк, ты... не должен возиться со мной.

В конце концов, это были странные отношения, которым давным-давно следовало прерваться.

— Давай я сам решу, что я должен, а чего не должен.

— Хватит. — Дитар отвернулась, чувствуя, что еще одна ложка — и ее просто-напросто стошнит. — Чуть позже, ладно?

Он согласился легко.

— Травы?

— Нет. Не сейчас. — Дурнота накатывала волнами, и Дитар приходилось дышать часто, чтобы хоть как-то ее осадить. — Я выпью. Честно. Но чуть попозже.

— Хорошо. Может, ты прилечь хочешь?

Брокк снял поднос и поднял ее на руки легко. Дитар всегда поражала эта их сила, которую псы принимали как нечто само собой разумеющееся. Он перенес ее на кровать и, уложив, бережно накрыл одеялом. Сам сел рядом.

— Как твоя сестра? — Ей не хотелось спать, хотя в его присутствии у нее, пожалуй, получилось бы. Но Дитар жаль было тратить время на сон. Его почти не осталось.

— Уже лучше. — Он улыбнулся. — Но... — Он замолчал и, взяв ладонь Дитар, принялся растирать пальцы. — Эйо по-прежнему его ждет. И я знаю, что дождется. А мне это не нравится. Слишком рискованно.

Дитар не торопила. Смежив веки, она просто наслаждалась его близостью, голосом, прикосновениями. К ней сейчас редко кто прикасался вот так, не испытывая отвращения. Сестра милосердия, нанятая Брокком, и та с трудом скрывала брезгливость. Болезнь, терзавшая Диту, не была заразной, но сам запах ее, близость смерти тревожили людей.

— И да, — признался Брокк, — я не хочу ее отпускать. Это, в конце концов, нечестно! Я знаю, что не имею права ее удерживать, что у нее своя жизнь и... Эйо действительно его любит. А он сумеет о ней позаботиться, но...

— Но ты вновь останешься один?

Дитар достало сил прикоснуться к нему, отбросить прядь светлых, с рыжиной волос. Вот что держало его рядом. Одиночество.

Пять лет тому именно одиночество привело его к дверям дома Дитар, раздраженного, колючего, почти готового возненавидеть весь мир. Он прикрывал искалеченную руку здоровой, смотрел исподлобья и скалился, едва удерживаясь на краю. А она, разглядывая его, пыталась понять, стоит ли связываться с опасным клиентом.

— Ты откажешься от других, — сказал Брокк тогда, бросив на стол горсть неограниченных аметистов. В ярком свете газовых рожков они казались тусклыми, ненастоящими.

И Дитар, подняв самый крупный, лилово-бурый, поднесла к глазам.

— Можешь позвать ювелира, если не веришь. — Пес расположился в ее кресле. Он сидел скособочившись, пытаясь спрятать пустой рукав в тени.

Брокк был бледен и худ, почти истощен.

— Почему же, верю. — Дитар смела камни в ладонь и протянула гостю. — Этого слишком много. Даже с учетом того, что мне придется отказаться от других... гостей.

Его губа дернулась, и пес зарычал.

А Дитар вдруг увидела, насколько ему плохо. И пришел он к ней лишь потому, что больше не к кому было идти со своей болью.

Молодой какой...

И уже несчастный.

— Я собиралась пить чай. — Она поднялась, оставив камни на столе. — И буду рада, если вы составите мне компанию. Тогда и обсудим условия нашего с вами... сотрудничества.

Он встал молча. И так же молча шел за ней. А в бирюзовой гостиной, просторной и светлой, — прежде Дитар никого сюда не водила, сохраняя эту комнату за собой, — остановился у часов.

— Сломаны?

— Давно уже. Я купила их такими... глупо, конечно...

Зачем кому-то часы, которые утратили способность следить за временем?

— Но они красивые.

Бронзовая цапля застыла в причудливом танце. Птица изогнулась, запрокинув голову,

почти касаясь посеребренным хохолком спины. Крылья были расправлены. Тонкие ноги прочно стояли на бронзовом шаре.

— Хочешь, починю? — Он не стал дожидаться ответа, пусть бы Дитар и запоздало кивнула. Брокк снял часы и, устроившись в кресле, вытащил из внутреннего кармана куртки футляр. Зажав часы между колен, он разобрал их одной рукой и надолго погрузился в хитросплетения пружин и шестеренок, казалось, не замечая ничего, что происходит вокруг. Лишь когда скрипнула дверь и в бирюзовой гостиной появилась Лили, отвлекся. А Лили застыла на пороге, не зная, может ли войти.

— Ты что-то хотела, дорогая? — Дитар остро чувствовала и смущение дочери, и страх ее, и странный к ней интерес со стороны гостя.

— Это твоя дочь? — Пес отложил часы, ссыпал на стол металлическую мелочь, которую держал в ладони, и поднялся. — Как ее зовут?

— Лилиан.

Дитар взяла дочь за руку, чувствуя, как начинает дрожать. Вдруг этот полудикий, замерший на краю пес захочет купить не ее, Дитар, но малышку?

Среди ее клиентов встречались и такие.

— Ли-ли-ан... красиво. — Он взъерошил короткие волосы и как-то неуклюже улыбнулся. — Что случилось, Лилиан?

Она же, сама сторонившаяся гостей, протянула ему куклу и кукольную голову.

— Сломалась.

Кукла была не новой, но любимой. Вот только веревки, на которых держались руки, ноги и голова, истончились. И кукла время от времени рассыпалась. А Дитар ее чинила. Она могла бы купить другую и покупала, а Лили благодарила, уносила новую подругу в комнату и вновь возвращалась со старой.

— Починить? — предложил пес.

— А ты умеешь?

— Умею. Дай сюда.

Лили посмотрела на мать, дожидаясь разрешения. И пес, видимо, ощутив страх Дитар, бросил:

— Вам нечего бояться. — Он потер квадратный подбородок и смущенно добавил: — У меня сестра младшая... приезжала... раньше... у нее тоже куклы ломались. Это быстрее, чем с часами. Только мне веревка нужна. Или толстая шелковая нить. И... чтобы вы ее подержали.

Он остался в доме до позднего вечера. Сначала возился с куклой, затем — с часами. Он пил чай и слушал, как Дитар играет на клавесине. И на ужин остался.

И когда в дверь позвонили, сам открыл.

Что он сказал клиенту, Дитар не знала. Но вернулся вновь злым, оскаленным:

— Теперь тебя содержи я. Других в этом доме не будет. Ясно?

— Да.

Он ушел за полночь, а вернулся на рассвете и, сунув Дитар букет — смешной, кто носит содержанке цветы? — спросил:

— Лили встала?

— Еще нет.

— Я ей куклу принес. Новую.

Альвийскую. Хрупкую. Сделанную из какого-то особого дерева, которое казалось на

ощупь теплым и мягким. Оно и цвет имело розоватый, отчего кукла выглядела до ужаса живой. Маленькая леди в роскошном платье с турнюр, в крохотных перчатках и туфельках с бабочками. В руке кукла держала зонт от солнца, а шею ее украшала тройная нить жемчужного ожерелья.

Кружево. Серебро.

И удивительно тонкая работа.

— Это... очень дорогой подарок. Спасибо, но... не стоило.

Пес сунул куклу в руки Дитар и потребовал завтрак. От обеда он тоже отказываться не стал. Тогда он проводил в ее домике много времени, постепенно успокаиваясь.

Ему не нужна была любовница. Ему требовалась семья.

— Здесь хорошо, — сказал он как-то и, искоса глянув на Дитар, добавил: — Тебе все равно, что я... такой.

Его рука заживала медленно, словно живое железо в крови не желало мириться с этой потерей. И зарубцевавшиеся были раны то и дело открывались, кровоточили, Брокк злился, но не от боли, которую испытывал, скорее от осознания, что стал калекой...

Он пробовал пить и напивался, но легче не становилось.

Трезвел.

Метался.

Менял обличье и выл, неспособный устоять на трех ногах. В ярости разнес гостиную. Потом просил прощения.

Он молчал, лежа на серой оттоманке, вытянув ноги, глядя исключительно на острые носы ботинок. И отказывался от еды. Приступы длились несколько дней кряду, но в конце концов Брокк находил в себе силы подняться.

Он начинал читать стихи, сбивался и вновь замолкал. Садился у клавесина, касался клавиш, вот только мелодия получалась половинчатой, однорукой.

Спасался работой.

— Тебе меня жаль? — спросил он как-то, расчесывая культю. По вечерам она зудела и ныла, сводя Брокка с ума.

— Немного.

Как-то так получилось, что ему Дитар не лгала. И не играла, притворяясь кем-то, кем ее хотели видеть. Вероятно, потому, что, в отличие от иных клиентов, Брокк сам не знал, кто ему нужен.

Не содержанка.

— Жалость унижает. — Он оставил руку в покое и нырнул под одеяло, отвернулся, буркнув: — Не мешай спать.

— Не буду.

Пожалуй, именно тогда Дита поняла, что этот мальчишка стал для нее... кем? Не очередным клиентом, которых в ее жизни было множество. Возлюбленным? Смешно. Она старше. Опытней. Циничней. Она больше не верит в любовь, которая до края жизни или дальше. Она... она просто перестала быть одинокой. И коснувшись светлых волос, Дитар сказала:

— Отдыхай. Принести чего-нибудь?

— Молока. С медом.

Пять лет.

Это ведь не так и много, но получается, что целая жизнь.

— Опять твои печальные мысли. — Брокк поправляет подушки и смоченной в ароматном уксусе губкой вытирает пот со лба. — Ты стала очень много думать, Дита.

У него хорошая улыбка. И Дитар пытается улыбаться в ответ, но больно... Господь милосердный, как же ей больно. Она сдерживает стон, но Брокк по глазам видит.

— Не уходи, Дита, пожалуйста, — он снова растерян и смущен, — я не хочу снова оставаться один.

— Я и говорю... — У нее получается оттеснить боль. Она вернется позже и отомстит Дитар за побег. — Жениться тебе надо...

Фыркнул только. Ладонь ее раскрыл, погладил пальцы и прижал к своей горячей щеке. Мальчишка.

— Попроси сестру остаться. Она не откажется.

— Не откажется, — согласился Брокк. — Только... как надолго? Месяц? Год? Всю жизнь? Я не могу забирать ее жизнь, тем более... рядом со мной небезопасно.

— Опять письма?

Кивнул.

— Когда-нибудь они успокоятся.

Ложь, но Брокк снова соглашается. С больными не желают спорить.

— Ты ей рассказал?

— Не ей. Оден сумеет ее защитить, если вдруг...

— Скажи.

Брокк качает головой:

— Эйо и без того хватает, а тут еще эти... если скажу, волноваться будет. Ты вот волнуешься, хотя знаешь, что дальше писем дело не пойдет.

Голос дрогнул, и это верный признак, что Брокк солгал. Но спрашивать бесполезно: не ответит.

— Дита, — он все же поднес стакан с травяным отваром, даже запах которого вызывал желудочные спазмы, — тебе нужно это выпить. Пожалуйста. Ради меня.

Ради него...

...горечь опалила губы. Дитар поспешно сглотнула.

— Умница. Пей, и я тебе почитаю...

— Письма?

— Конечно. Пей.

И Дитар пила, заставляя себя. До дна, до последней мутной капли.

— Вот так. — Брокк прижимал стакан к губам, не позволяя отстраниться. — А теперь ложись.

Он поправляет сбившийся плед, сам же подвигает кресло к кровати и берет со стола шкатулку. В ней, перевязанные синей ленточкой, лежат письма Лили.

— «Дорогая мамочка... — Голос Брокка растворяется в опиумном тумане, и Дитар позволяет себя убаюкать. — У меня все хорошо. Как твое здоровье? Тебе помогли те капли, о которых я писала? Наша наставница, мисс Уинтерс, тоже часто желудком мучается. И она сказала...»

Дита уснула, и Брокк оборвал чтение на середине фразы. Несколько секунд он разглядывал плотный лист с вензелем пансиона Шан-о-тер. Письмо вернулось в стопку, а стопка — в шкатулку.

— Спи. — Брокк коснулся влажной ладони, которую покрывала тонкая сеть морщин.

Губы Диты дрогнули, словно она собиралась сказать что-то, но передумала.

Удивительная женщина.

— Спи, Дита... — повторил он и, откинувшись в кресле, смежил веки. Мысли были невеселыми.

Бомбу спрятали под сиденье экипажа.

Самодельная.

С химическим запалом и толикой истинного пламени внутри стеклянной колбы. Брокк держал хрупкий сосуд, любуясь алыми отблесками заточенного в нем огня. Малейшая трещина, нарушение силовой сетки, вплетенной в стенки, и...

Повезло.

Всю неделю шли дожди. И кто бы ни создал это устройство, он не сумел защитить свое творение от сырости. Запал не сработал. Зато вонь химикалий, едва заметная, но все же чуждая привычным запахам конюшни, привлекла внимание Брокка.

Он сам снял бомбу.

Не так это и сложно.

Ослабить винты на крышке деревянной шкатулки. И кожух стащить, медленно, по доли дюйма в минуту. Каждый удар сердца отзывается в руках. Живая дрожит, а в железной появляется знакомый зуд. Рассмотреть переплетение патрубков. Перерезать тот, что ведет от запала к заряду. И колбу, закрепленную в стальной сети, извлечь.

Пламя, почувствовав Брокка, прильнуло к стеклу, расплескалось, желая одного — выбраться из плена. А Брокк с трудом сдержался, чтобы не помочь. Это просто — сжать руку, пусть хрустнет стекло и воздух соприкоснется с живым огнем.

Он видел, что случается после.

Чудовищная сила, выплеснувшись вовне, сомнет Брокка, искорежит и экипаж, эхом ударит по дому, вышибая стекла. И поверху прокатится огненная волна, а когда схлынет, на заднем дворе останется яма, выжженная земля и оплавленный камень.

Колбу Брокк держал в руках до прибытия полиции. И сам уложил в колыбель металлического короба, толстые стенки которого способны были пригасить взрыв.

— Вам не следовало рисковать. — Следователь был старым знакомым.

Он благоразумно держался поодаль до тех пор, пока ящик не закрыли. Короб, погрузив в железный сейфовый экипаж, из тех, что банки используют для перевозки наличности, увезли.

Отправят на полигон, где и выпустят пламя на свободу.

Поехать за ними?

Еще раз полюбоваться на огненный цветок, что распускается над землей? И услышать прощальный стон умирающего огня? А вечером напиться от нахлынувшей тоски... не выйдет.

И следователь, чувствуя настроение Брокка, по-дружески протянул ему флягу с холодным чаем.

— Не возражаете, если мои люди с экипажем поработают? Да и... осмотрятся тут? — Кейрен из рода Мягкого Олова был вызывающе молод, и это раздражало многих.

Невысокий и сухощавый, Кейрен испытывал иррациональную привязанность к светлым костюмам, которые лишь подчеркивали необычайную его бледность. Его ботинки всегда сияли, а рубашки были белоснежны. И серый мешковатый плащ с россыпью черных пятен по подолу и оттопыренными карманами смотрелся чуждо. Но плащ этот, как успел заметить

Брокк, был столь же неотъемлемой частью Кейрена, как и родовой перстень.

— Делайте что хотите.

Брокк устал.

От снов и писем, которых не становилось меньше. Камней, что время от времени летели в двери его экипажа. И ожидания, когда будет пересечена та черта, что отделяет угрозы от действия.

Вот, дождался.

Можно и отпраздновать, чем не повод?

— Почему вы не боитесь? — Кейрен сам прошелся по двору, заглянул в конюшни и долго принюхивался, пытаясь среди обычных запахов лошадей, навоза, сена и преющей соломы выловить тот, чуждый, что выведет на след.

Но кто бы ни поставил бомбу, действовал он осторожно. Даже металл пропах перцовым настоем, дешевым, однако надежно отшибавшим нюх.

Свой?

Или чужак, воспользовавшийся отсутствием хозяина? Брокк ныне редко появлялся в городе. И тогда получается, что его лишь пугали? Сработай запал, и пострадала бы конюшня, лошади. Конюхи и мальчишка-рабочий. Возможно, дом бы задело. Пожар опять же.

Кейрен повернулся к Брокку и повторил вопрос:

— Так почему вы не боитесь?

— Какое это имеет значение?

— Никакого, — признался следователь, сбивая соринку с рукава. — Интересно. Мне, знаете ли, случалось работать по... аналогичным делам. До бомб, правда, не доходило. — Он слегка ослабил узел галстука. Узлы Кейрен вязал совершенные. — Обычно ограничивалось письмами. Иногда стреляли. Еще похищение как-то случилось.

Кейрен наклонился и поднял с земли мятую бумажку. Из необъятного кармана появился белоснежный платок с монограммой.

— Так вот, мои подопечные, как правило, очень нервно реагируют на угрозу их жизни. После третьего-четвертого письма начинают требовать охрану... или сами ее нанимают.

Положив находку на платок, Кейрен поворачивал ладонь влево и вправо, разглядывая этот клочок бумаги с преувеличенным вниманием.

— Вы же получили сотню писем...

— Думаю, что и полторы. — Первые Брокк отправлял в камин. И отправлял бы дальше, если бы угрожали только ему.

— Полторы, — задумчиво повторил Кейрен и поднес бумажку к носу. Он втягивал воздух медленно, и точеные ноздри раздувались. — Полторы сотни и одна бомба, которая чудом не взорвалась. А вы мало того что не требуете охраны, так еще и лезете ее снимать.

Завуалированный упрек цели не достиг: Брокк не испытывал угрызений совести.

— Она ведь и взорваться могла...

— Могла, — согласился Брокк.

Кейрен бережно завернул клочок бумаги в платок, а сверток отправил в карман.

— Это крайне неразумно с вашей стороны. Следовало дожидаться приезда специалиста.

— Думаете, ваш специалист разбирается в бомбах лучше меня?

Кейрен покачал головой.

— Думаю, — мягко заметил он, — что смерть специалиста куда менее огорчила бы его величество, нежели ваша. Кстати, вы не находите, что погода сегодня на редкость

отвратительная?

Словно желая подыграть Кейрену — намек был более чем прозрачен, — начался дождь. Холодные капли осели на волосах следователя, на серой ткани плаща, коснулись рук, которые тотчас побелели, и Кейрен чихнул.

— В таком случае, предлагаю пройти в дом. — Брокк менее всего был настроен на продолжение беседы. Кейрен вновь заговорит об охране или переезде, о недопустимой беспечности Брокка, которому следовало бы и дальше оставаться в загородном поместье, а он, неразумный, вернулся.

И ладно бы повод был действительно серьезный.

Гостиная выглядела неожиданно мрачной, осенней. Затянутые дождем окна были серы. Кофейного цвета обои потемнели, и тусклыми жилами проступали на них золотые нити.

Заняв место у камина, Кейрен признался:

— С детства ненавижу холод. Сосуды слабые. Все братья надо мной смеялись, что я как девица, чуть подмерзну и вот... — Он протянул неестественно белые руки к огню. Выходит, не притворялся, и вправду мерз. Даже ногти приобрели неприятный синеватый оттенок.

— Чай? Кофе? Коньяк?

Роль гостеприимного хозяина давалась Брокку нелегко. От гостей он отвык, а те редкие посетители, которым случалось переступить порог его дома, мирились с некоторой мрачностью характера.

— Чай, пожалуйста. — Кейрен снял-таки плащ, который аккуратно повесил на спинку кресла. — И от коньяка не откажусь. Я ведь военным стать хотел. У нас в семье принято так. Не взяли. Хотя, конечно, правильно... боец из меня никудышный. И даже отец это понимал. Но когда я в полицию пошел, он расстроился. Месяц со мной не разговаривал.

— Полицию не любит?

— Недолюбливает, но... там другое. За меня волновался. Нехорошо заставлять близких волноваться, но иногда... выходит так, как выходит.

И к чему эта душевная беседа? Брокк открыл бар, достал бокалы, коньяк — бутылка успела покрыться пылью, дожидаясь своего часа, — и поинтересовался:

— Что вам от меня нужно?

— Помимо чая и коньяка? — Кейрен принял бокал и, поставив на ладонь, поднес к огню. — Не волнуйтесь, я не собираюсь вас уговаривать. Надоело, знаете ли... — Зажмурившись, он вдохнул коньячный аромат. — Но вы правы. Интерес у меня имеется. Что вы думаете о бомбе?

— Если полагаете, что я знаю, кто ее сделал, и молчу, то вы ошибаетесь.

— Я полагаю, — взгляд Кейрена был по-прежнему безмятежен, — что сегодня снаряд оказался под вашим экипажем. А завтра? Как знать... Мастер, что будет, если завтра бомба окажется не под днищем вашего экипажа, но, скажем, под сценой Королевского театра?

Брокк замер.

— Или в Академии... в парке... во дворце... просто на пути его величества.

Проклятие!

— Вижу, теперь вы осознали всю... скажем так, неоднозначность ситуации.

— Пока угрожали только мне.

И, вероятно, в том была своя ирония: творение убивает создателя.

— Пока, — согласился Кейрен, пробуя коньяк. — Чудесно... воистину благородный напиток. И согревает, что для меня, поверьте, актуально.

— Механизм прост. Заряд, запал и замедлитель. Запал разрушает стеклянную оболочку с зарядом, выпуская живое пламя. При соприкосновении с воздухом начинается произвольная реакция первичного выброса.

Брокк смотрел на следователя сквозь коньячную призму. И мысль напиться уже не казалась такой нелепой.

— Истинное пламя использует в пищу все, до чего дотянется, но, не имея плотного контакта с жилой, погибает.

И Брокк помнит эхо боли, доносившееся с полигона.

— Вот только до своей гибели уничтожает все на футы вокруг, — завершил Кейрен. — Райгрэ Брокк, я понимаю ваше... двойственное отношение к подобным устройствам, но мне нужно знать, насколько реально вне стен лаборатории... или вашего корпуса создать такую вот бомбу.

— Технически само устройство элементарно. Основная проблема в заряде. Запереть истинное пламя не каждый способен. Дело не в физических возможностях, но в умении создать уравновешенный силовой контур. Что до остального, то и человек, более-менее знакомый с принципами механики, управится.

Кейрен слушал, разглядывая собственные руки: кожа хоть и была белой, но утратила прежнюю мертвенную бледность, и ногти приобрели нормальный цвет.

— Возможно, возникнет затруднение с некоторыми реактивами, но... сами понимаете, сейчас довольно просто достать многие запрещенные вещи. Или вовсе сменить замедлитель с химического... — Брокк все же присел и окинул комнату взглядом, который остановился на часах. — Скажем, на механический. Он будет точнее.

Дождь прекратился, и в окнах посветлело. Зябкое осеннее солнце выглянуло, но не пройдет и часа, как прорехи в тучах затянутся и с небес вновь хлынет вода.

— Значит, искать надо среди своих...

Похоже, эта мысль была Кейрену не по нраву.

— Боюсь, что так. — Брокк коснулся стекла, которое было влажным и изнутри. — Человек не сможет воспользоваться силой жилы.

Пауза длилась несколько секунд. Кейрен смотрел на огонь, коньяк и собственные руки.

— Если я правильно понял, то связать пламя не так просто, верно? И как много найдется тех, кто способен на подобное?

Не много. И каждый оставляет свой отпечаток силы, вот только истинное пламя, пусть и запертое в стекле, искажает след. Будь колба пустой, Брокк сказал бы, чьи руки создали ловушку.

Будь колба пустой...

— Мне надо подумать, — ответил Брокк, глядя в глаза Кейрену.

И тот, коснувшись пальцем черной запонки, сказал:

— Думайте, мастер. Но... вы понимаете, что времени на раздумье осталось немного. И еще, я просил бы вас не задерживаться в городе.

Брокк и не собирался.

Сейчас, глядя на изможденную болезнью женщину, он составлял список имен. За каждым стоял если не друг — друзей у Брокка давно не осталось, — то единомышленник. И сам этот список казался почти предательством.

Но было истинное пламя, и тот, кто заключил его в стекло, готовился к войне.

Брокк потерял виски: он устал воевать.

От воды тянуло тиной.

На городских окраинах река, выбравшись из обложенного плитами русла, разливалась. Она была черна и медлительна, ленива в своем течении, которое выносило к берегам мелкий сор. Летом, на жаре, река мелела, обнажая каменистый берег. Но сейчас, напоенная осенними дождями, она разбухла и добралась до линии домов. Первые из них, поставленные на сваях, были стары, и каждый год ходили слухи, что вот-вот эти дома снесут, но время шло, а предсказания не сбывались.

Дома разваливались.

Деревянные стены их давным-давно почернели, покрылись слоем липкой плесени. Внутри царила сырость, которую не в состоянии было отпугнуть робкое пламя очагов. Да и то, хозяева вряд ли могли себе позволить подобную роскошь: здесь если и топили, то редко и скупо.

И человек в черных перчатках мерз.

Он расхаживал по единственной комнате, изредка останавливаясь возле окна, затянутого мутными толстыми стеклами. Меж ними и решеткой, в которую стекла были вставлены, зияли щели. Их конопатили мхом, замазывали глиной, но та шла трещинами, и из щелей тянуло сквозняком.

— Успокойся уже, — бросила высокая статная девица, одетая по-мужски. Кожаные штаны сидели на ней плотно, обтягивая крепкий зад и мускулистые бедра, а вот вязаный свитер был широк и коротковат. Из-под него выглядывали полы клетчатой рубахи, плотной, но поблекшей от многих стирок.

Черты ее лица были лишены всякого изящества: подбородок чересчур тяжел, а глаза — непривычно раскосы. И девица подводила их черным углем, но эта единственная, допущенная ею женская слабость лишь сильнее подчеркивала некоторую диковатость ее облика. Рыжеватые волосы она обрезала коротко, неровными прядями и повязывала поверх них косынку.

— Время, Таннис, время. — Мужчина снова задержался у окна и, опершись рукой на раму, словно пробуя ее на прочность, пробормотал: — Я не могу торчать здесь вечность.

— Не маячь, Грент. — Таннис оседлала стул и положила руки на спинку. — Кто тебя тут держит?

Мужчина ничего не ответил, но одарил собеседницу таким взглядом, что та предпочла замолчать, только пробормотала:

— Франтик фигов.

Он и вправду разительно отличался от Таннис. И пусть бы изо всех сил скрывал свою принадлежность к Верхнему городу, но не выходило. Темный костюм его сидел слишком хорошо, чтобы быть купленным в магазине готовой одежды, да и сама ткань была отменного качества. Остроносые туфли мужчины всегда блестели, и порой Таннис задавалась вопросом: как ему удастся пройти по грязи, не замаравшись?

Впрочем, вопросы она держала при себе. Так оно спокойней.

— Неужели так сложно явиться вовремя? — Грент, вытащив из кармана брегет, постучал по крышке. — На полчаса опаздывает!

Таннис пожала плечами: здесь время шло иначе. Его отмеряли по голосам барж,

заводским гудкам и по солнцу, ныне спрятавшемся. Она ненавидела осень и холода, потому как в это время Нижний город погружался в сумрак и жизнь в нем становилась невыносима.

Нет, ничего особо не менялось. Все то же размеренное посменное существование, муравьиная суeta многоквартирного дома, ссоры за тонкой стеной, отрешиться от которых не выходит при всем желании. Плач детей. Отцовский кашель и тихое смирное пьянство. Мамашино недолгое терпение и резкий скрипучий голос, что так легко срывается на крик. Окошко, которое полагается закрывать фанерой. Ширма из старой простыни. И работа, привычная, монотонная и тем самым выматывающая душу.

Вечный влажный сумрак и разъеденные щелочными растворами руки.

Книги единственной отдушиной, читанные и перечитанные, каждое слово Таннис наизусть помнит, но все равно цепляется за потрепанные томики, бережно перебирает слипшиеся страницы. А мамаша грозитя книги спалить, чтобы Таннис зазря глаза не слепила и свечи не жгла. Только угрозу исполнить побоится, но Таннис книги все равно прячет... благо есть где.

...Войтех был бы рад, что она читает. И про убежище не забыла.

Разве этому, в костюме, в щегольском плащике с кожаными нарукавниками, который стоит больше, чем Таннис получает за год, понять, каково это, родиться в Нижнем городе? Прожить здесь если не жизнь, то два десятка лет, без надежды на иное будущее?

Для него все — забава, и он злится исключительно оттого, что игроки собрались не вовремя.

Но вот он вздрогнул, повернулся и, прислушавшись к чему-то, кивнул. Потом и Таннис услышала шаги и натужный скрип двери: петли давно пора было смазать.

— Наконец-то вы соизволили явиться, — бросил Грент, убирая брегет в нагрудный карман. И цепочку поправил этак, чтоб, значит, красиво висела.

Патрик повел плечами и ничего не ответил. Он вообще говорил мало, редко, стесняясь громкого своего голоса и неумения подбирать слова.

— Не желаете ли объяснить, где пропадали все это время?

Грент был зол. И Патрик, запустив руки в рыжие космы, пробормотал:

— Так это... малая... это... кашляет. Моя велела... это... чтоб к аптекарю, значит... настой... а то ж вдруг это... того... — Он смутился и замолчал.

— Сходил хоть? — Грент успокоился.

— Ну так.

— Ребенка надо бы доктору показать.

Таннис фыркнула. Можно подумать, ему есть дело до дочери Патрика и до самого Патрика. Нет, к чести Грента, за работу он платил в срок, щедро накидывая за возможный риск, но душевные беседы беседовать с ним желания не возникало.

А он старался.

Лез в душу, выпрашивал о семье, притворяясь сочувствующим. Только по глазам же видно, что на самом деле ему плевать. И чего ради стараться? У него ж на лбу написано, что чужак, из верхних, чистеньких. Вон, вроде руку Патрику пожал, но при том перчатки снять побрезговал.

— Итак, раз все в сборе... — Грент отлип от окна и подошел к столу.

Свечи зажигал сам, не жалея. И всякий раз приносил новую связку, а про то, куда прежние деваются, не спрашивал. Таннис забирала их с собой. А что, хорошие ведь, восковые, и горят ярко. Остается-то больше половины, считай. И если экономно тратить, а не

по дюжине зараз, то надолго хватит.

— Вынужден признать, что наша предыдущая миссия не увенчалась успехом. — Грент присел на стул, на который заботливо кинул батистовый платок.

Он бросил взгляд на Таннис: поинтересуется ли она, о какой миссии речь идет. Но Таннис промолчала. Не хочет она ни о прошлой миссии знать, и, положив руку на сердце, нынешняя, еще не озвученная Грентом, ей уже не по нраву.

Листовки — одно дело.

А бомбы — совсем даже другое.

— С одной стороны, это, конечно, не может не печалить. С другой... все, что ни делается, все к лучшему. Теперь они знают, что намерения наши серьезные.

Патрик, устраиваясь на табурете, крошечном и ненадежном для него, пробурчал что-то маловразумительное. Таннис решила на слова не тратить. Намерения, миссия... платил бы...

— И да, королевские ищейки носом землю роют. — Грент произнес это с явным удовлетворением. — Риск возрастает в разы. Поэтому следующую акцию нужно продумать очень тщательно...

Думал всегда он, и Таннис порой удивлялась, для чего Гренту вообще этот дом на краю реки, она, Патрик, Томас и другие, которые порой появлялись на собраниях? Неужели и вправду полагает, что они увлечены красивыми его словами? Конечно, справедливость — штука полезная, но не настолько, чтобы Таннис, разом о делах позабыв, бросилась ее восстанавливать.

Да и разговоры о бомбах со справедливостью в ее голове не увязывались.

Наверное, мозгов бабьих не хватало.

— Мне кажется, нам следует немного изменить подход к делу. — Грент открыл кофр, который носил с собой. Еще одна штучка, чуждая месту. Черная кожа, посеребренный замок и вензель незнакомый, но симпатичный. Таннис его перерисовала интереса ради, а Грент, которому на глаза рисунок попался, взбеленился, орать стал, что Таннис сдать его хочет...

Дурачок. Таннис понимает, что с королевскими ищейками связываться себе дороже. Она-то небось в нынешних делах по уши увязла, и значит, отправят или на каторжную баржу, или сразу на виселицу. Это у Грента соскочить выйдет: хозяин вступится, а то и сам со своего кармана судейских подмажет, чай, не бедный.

Рассчитывался Грент всегда вперед, доставал из кармана бумажник, кожаный, с металлическими уголками, и, открыв, долго перелистывал купюры. Выбирал всегда потрепанные, видимо, полагая, что и такие сойдут. Таннис брала, но в этой переборчивости ей виделась истинная натура Грента.

...Войтех наверняка запретил бы с ним связываться.

— Поскольку разъяснительная работа с населением не дает тех плодов, на которые я рассчитывал...

Листовки печатались тут же, на хитрой машинке, которую принес Грент, а Патрик, замороженный устройством, разобрал едва ли не до винтика. А потом собрал.

Что и говорить, руки у Патрика были золотыми.

— ...нам все-таки необходимо устроить показательную акцию. — Грент выпрямился и сунул пальцы за лацканы пиджака. — Именно здесь, в Нижнем городе.

Таннис поморщилась. Все-таки чем дальше, тем меньше ей нравилась затея Грента. И если поначалу все выглядело довольно безобидно: подумаешь, бумажки разнести, раскидать

по цехам, расклеить на стенах домов, где и без того висит всякого мусора, то разговоры, а выходит, что не только разговоры, об акциях и взрывах — дело иное...

— Чего? — встрепнулся Патрик и вновь башку поскреб.

Как бы он вшей не принес. У Грента, видимо, та же мысль возникла, и он от Патрика отодвинулся.

— Вот, — Грент ткнул пальцем в точку на карте, — старые склады. Во-первых, они действительно стары и городу давно следовало бы избавиться от них. Во-вторых, почти не охраняются, следовательно, прийти и уйти будет легко. В-третьих, в данный момент склады эти готовятся принять весьма ценную посылку. Так уж вышло, что основные оказались перегружены.

Таннис порой становилось любопытно, чем же занимается Грент у себя там, наверху, если знает такие вот вещи. Но она свое любопытство одергивала, повторяя, что меньше знаешь — дольше живешь.

— И груз «Леди Дантон» решено разместить здесь. Всего на сутки.

Патрик не столько слушал, сколько вертел в руках железки. И Таннис вновь поразились, как неуклюжие с виду, грубоватые пальцы Патрика ловко управляют со всякой мелочью. И ведь нравится, едва не мурлычет от удовольствия. Вот ему, пожалуй, и денег не надо. С Грентом он потому, что тот дает ему настоящую работу — с заводскими станками Патрику возиться скучно.

— Охранять будут, — заметила Таннис.

— Угу. — Патрик раскладывал на столе узор из шестеренок, болтов и пружин, то и дело отстраняясь, любясь своим творением, существовавшим пока лишь в его воображении.

Грент поморщился: он не любил возражений, а Таннис возражала часто.

— Основной расчет на то, что о грузе не знают. И на складе будет разве что пара гвардейцев.

А вот это плохо. У псов нюх такой, что...

— Не стоит нервничать, — усмехнулся Грент. — На старой пристани такая вонь стоит, что учуять что-либо невозможно. Это я вам гарантирую.

Ну да, гарантия — хорошо, но сам Грент своей шкурой не рискнет. И Патрика не пустит — у него другая задача. А значит, идти выйдет Таннис.

— Тем более что нет необходимости лезть именно на тот склад. Достаточно будет разместить наш подарок на соседнем...

Он выжидающе уставился на Таннис, которая не спешила вызываться добровольцем. Она ответила таким же прямым взглядом, что Гренту явно пришлось не по вкусу.

— О деньгах договоримся, — сказал он, кривясь.

Нет, деньги, конечно, аргумент, — как сам Грент выражается, но голова всяк дороже. Таннис еще слишком молода, чтобы с пеньковой вдовушкой знакомство свести. И Грент, чувствуя ее сомнения, нацарапал что-то на бумажке, а бумажку сунул в ладонь.

Сумма была... да у Таннис и вообразить такие деньжищи не получалось.

Если все выйдет, то... то она уберется из Нижнего города, прикупит себе квартирку на другом берегу, а то и вовсе от воды подальше. Платье красное с кружевами и бантом на всю задницу — Таннис видела такое в витрине. И маленькую собачку, чтобы как в той книге про любовь.

На бумажном клочке, который Таннис мяла, стараясь стереть страх, жила ее мечта. Пусть немного корявая, но какая уж есть. И разве она не заслужила немного счастья? Или

хотя бы тихой спокойной жизни, чтобы никто не орал за стенкой пьяным голосом, не плакал, уговаривая прилечь, не заходилась кашлем... без завода, отупляющей работы и вечерних посиделок с кислым пивом и похабными шутками, в бесплотной попытке ощутить себя живой.

— Я... — Таннис провела языком по губе и бумажку сунула в карман. — Я согласна. Только, Грент, если меня возьмут, то не думай, что я молчать стану.

— Не думаю. — Ладони Грента легли на плечи. Они были тяжелыми, и... неприятно. Даже сквозь свитер и рубаху неприятно. Таннис хотела стряхнуть его руки, но замерла. — Тебя не поймают, если сделаешь все правильно.

Он наклонился и, стянув косынку, поймал губами рыжеватый локон. Таннис отшатнулась, едва со стула не слетев.

— Ты чего творишь?

Патрик, увлеченно перебиравший шестеренки — под неловкими его пальцами рождался новый удивительный механизм, — ничего не заметил. Он мурлыкал, и гортанные эти звуки уговаривали железо слушаться. И ведь слушалось.

Человека.

Хотя... как знать, может, есть в Патрике и их кровь, разбавленная только.

— Ничего, Таннис. — Грент гладил шею, и Таннис замерла.

А ведь шея грязная.

Нет, Таннис за собой следит. И вчера она в общественную умывальню ходила, а сегодня перед тем, как сюда отправиться, ополоснулась холодной водой. Но все равно, шея-то грязная, и рубаха под свитером не первой чистоты. У Грента вон, все кипенно-белые, накрахмаленные до хруста. А у нее на груди пятно: папаша разлил свое пойло. И пусть Таннис вымачивала рубаху в щелоке, терла ее зеленым мыльным камнем, пятно не отошло.

...пахнет, наверняка, перегаром, пусть бы сама Таннис и не потребляет. Дымом. Мокрой овечьей шерстью, к воню которой Таннис вроде и привыкла, но теперь вдруг ощутила ее наново. Щелочью.

Потом.

— Ты очень напряжена, девочка, — ласково сказал Грент.

И руки переместились на спину. Он просто гладил, вверх и вниз, и эта странная ласка заставляла Таннис выгибаться в попытке избежать прикосновения.

— Отвали.

Не услышал, но напротив, подвинулся ближе. А руки вдруг оказались под рубашкой. И сквозь полотно перчаток Таннис ощущала их, теплые, надушенные...

...отвратительные.

— Ничего страшного не произойдет...

Конечно, он-то будет у себя дома отсиживаться, перед камином, плеснув коньячка в бокал. И газетку на колени положив. Таннис так отчетливо увидела этот самый камин, что скривилась.

— Отвали, слышишь?

— Ты просто отнесешь посылку, склады-то работают... притворишься служащим, никто не удивится. Отнесешь, и все, Таннис. Большие деньги за пустяковую работу.

Ну да, сущая безделица, до складов прогуляться с коробочкой. Другое дело, что в коробочке будет находиться Патрикова машинка, и если она сработает вдруг, то что останется от Таннис?

Правильно, горстка пепла.

Пеплом становиться ей вовсе не хотелось. С другой стороны, в кармане лежала мечта, та, с домом, платьем и собачонкой...

— Нечего бояться, — повторил Грент, отступая.

Далеко не ушел. К кофру, из которого появился деревянный ящичек с печатью винной лавки. Дорогой, надо полагать, небось там не льют по бутылкам мутное пойло из немывтой бочки. Грент осторожно сдвинул крышку. В ящике, в колыбели из овечьей шерсти, лежала колба из прозрачного стекла. А в колбе, растекаясь по стенкам рыжим пологом, пробуя темницу на прочность, сидело пламя.

Грент извлекал ее осторожно, и даже Патрик прервался, поднял косматую башку.

— Ты это... — он вытянул губы, не зная, как объяснить, — того... туда... я сам.

Глаза Патрика вспыхнули. Вот безумец, ему и вправду нравится возиться с живым огнем, несмотря на то что малейшая ошибка будет стоить жизни. А может, именно поэтому?

Жена. Четверо детей.

Заводские агрегаты, изученные им до последнего винтика. Тоска. И руки, не знающие покоя. Патрик жадно подался вперед. Он был зачарован переливами огня, и тот, чуя интерес, погас, собрался до плотного янтарного шара, чтобы в следующий миг беззвучно распасться на сотню искр.

Грент положил колбу туда, куда указал Патрик, — в ящик, заполненный уже не шерстью, но соломой. И Патрик, не доверяя нанимателю, проверил, правильно ли уложил.

Как он может прикасаться к этому?

Патрик прикасался, он прижимался к колбе щетинистой щекой, поглаживал ее желтыми прокуренными пальцами, лопоча что-то ласковое, и огонь слышал его голос, казалось, отвечал даже.

Таннис передернуло.

— Твой страх беспочвен. — Грент вновь оказался рядом и, окончательно забывшись, обнял Таннис. — Я знаю, что делаю.

В этом Таннис не сомневалась. Вот только чужая рука — на сей раз он и перчатки стянул, — которая забралась под свитер, неприятно холодила кожу.

— Я хороший мастер.

Это было сказано со злостью.

Он ли?

Врет. С таким человеку не сладить.

Кто дал ему колбу? Лучше не знать.

Таннис дернулась, пытаясь выбраться из ловушки его рук, но Грент не собирался ее отпускать. Что ему надо? Ну не в самом же деле он собирается завалить Таннис? Нет, по местным меркам, она ничего. И зубы все на месте, и лицо целое, но ведь Грент с Верхнего города, он небось привык к хрупким нежным дамочкам, а нежности в Таннис отродясь не было. Или потянуло на этакое, с перчиком? Думает, раз денег обещался, то теперь все позволено? Так Таннис ему за подобные шутки свернет нос благородный на раз. Деньги ей за работу обещаны, и работу она исполнит. А что до остального, то Таннис не шлюха.

— Лапы убери. — Таннис хлопнула по ладони и вывернулась-таки. — Что ты себе удумал?

— Ничего, — осклабился Грент. А глаза злыми стали.

То-то же, небось привык, что к нему любая в койку с радостью прыгает. Таннис не из

таких.

— Я тебе расслабиться помогаю, дурочка. Кому ты нужна?

Он отошел и нарочно окинул Таннис таким взглядом, что она остро ощутила собственную несуразность. И свитер, который мама отцу вязала, да нитки кончились, и штаны, в голенища заправленные, и ботинки высокие с тяжелой подошвой, какие грузчики носят. И волосы, стриженные коротко тупой отцовской бритвой. Таннис не виновата, что появилась на свет в Нижнем городе, здесь все такие.

— Расслабляйся в другом месте, — буркнула она, обнимая себя.

Ничего. Все у Таннис будет.

И оказавшись там, по другую сторону реки, она наипервейшим делом купит модный журнал, из тех, которые в Нижний город попадают изредка, весьма потрепанными, но все равно яркими. И в этом журнале найдет адрес салона. И заглянет. А что, деньги-то будут, а с деньгами — Таннис усвоила это с детства — все двери открыты. И там, в салоне, ее причешут, намажут, сделают, в общем, похожей на женщину.

— Вы, это, — Патрик оторвался от ковыряния в шестеренках, — того... ну... а то ж оно так...

— И вправду, Таннис. Ты ведешь себя как ребенок.

А он, значит, взрослый.

— К делу давай. — Она все же приблизилась к столу и села, правда, табурет передвинула так, чтоб сидеть подальше от Грента. Он же осклабился и подмигнул, мол, все равно не отстану.

Скотина.

— Смотри, — он ткнул в карту, заставляя Таннис привстать, чтобы разглядеть, что же такого он показывает, — из пяти складов реально работают третий и второй. Состояние их не идеальное, но неплохое. До войны склады начали ремонтировать, но успели только эти два. Поменяли внутренние перегородки, подлатали крышу. Но это ерунда, наша малышка справится.

Грент протянул было руку к стеклянной темнице, но Патрик заворчал, предупреждая.

— Груз разместят во втором. Он стоит чуть наособицу, что нам на руку.

— Что везут?

— А тебе какое дело? — Грент приподнял бровь и мизинцем в кончик носа уперся. Нос у него знатный, крупный, с широкою переносицей и вывернутыми ноздрями. — Хотя... раз ты у нас такая любопытная. Опоры для воздушного моста. Тросы укрепленные. И энергокристаллы.

Ох ты ж...

Патрик и тот едва не выронил какую-то хитрую детальку, которую до того разглядывал, поднося то к одному глазу, то ко второму.

— Новая партия, прямиком из Каменного лога. — Грент оперся ладонями на стол так, что большие пальцы рук его касались нарисованного склада, словно тиски, желавшие склад раздавить. — Груз пойдет на Перевал. А там... — Голос его звучал глухо. А в глазах появилось что-то такое, что Таннис закусила губу, сдерживая язвительное замечание. — Каждый кристалл — это дракон. Каждый дракон — это дюжина вот таких, — он мотнул головой в сторону ящика, — шаров.

А каждый шар — взрыв.

Таннис помнила ту поездку за город. И пустырь. И крохотную совсем колбу с алым

лепестком внутри. Собственное недоверие, неужели вот эта искорка способна что-то разрушить? Ворчание Патрика, которому хотелось разглядеть ее поближе. Злой голос Грента.

И то, что случилось после: огненная волна, прокатившаяся от края до края. Черная земля. Оплавленные камни. Руки, что тряслись, и дрожь не унималась. Болезненная гримаса на лице Грента. Фляга с коньяком, которую он осушил в два глотка.

Патрик, опустившись на четвереньки, трогал землю, закапывал руки в пепел и, вытаскивая, нюхал пальцы. Он гладил щеки, пробовал землю на вкус и долго не желал уходить.

— Мы уничтожим груз. — Теперь, когда рука Грента накрыла ладонь, Таннис не стала ее сбрасывать. — Но главное, они на собственной шкуре ощутят, что создали.

Его пальцы скользнули по запястью, приподнимая рукав свитера.

Какого он привязался?

— И быть может, — задумчиво произнес Грент, — они перестанут создавать оружие.

Патрик вздохнул.

И этот вздох вновь изменил Грента. Он стал прежним, подтянутым, деловитым и насмешливо-равнодушным. И от Таннис, к немалому ее облегчению, отвернулся, словно уже получил то, чего хотел.

— Надеюсь, на сей раз будет без осечек? — осведомился.

И Патрик, дернув плечом, проворчал:

— Так это... химия... надо иначе... часы.

— Подойдут? — Грент извлек свой брегет.

— Не-а. Маленькие. Надо это... такие. — Патрик руками попытался показать размер часов, которые ему нужны. — Я тут того... на час... а там зазвонит и...

...и стекло треснет, выпуская пламя.

Огненная волна обрушит стены склада, обратит крышу в пепел и выплеснется на пристань, уничтожая все, к чему прикоснется.

Все и всех.

— А люди... охрана... что будет с ними? — Таннис скомкала бумажку.

Она не убийца.

Денег много, но она не убийца.

Она слово дала, что... бумажка выпала из онемевших пальцев.

— Не волнуйся. — Грент не позволил ей встать. — Охрану отвлекут. Нам пока не нужны человеческие жертвы. Ты веришь?

Да.

И нет.

И наверное, все-таки да. Зачем ему лгать? Одно дело — взрыв, и совсем другое — мокруха... еще Войтех предупреждал, что по мокрухе иначе копают. А Гренту с ищейками не с руки вязаться.

— Главное, не отступай от плана, — сказал он, глядя в глаза. Наклонившись, поднял бумажку и сунул в руку. Пальцы сжал, заставляя принять. — Все рассчитано. Твоя задача — появиться на складе вовремя. А наша — сделать так, чтобы никто лишний не пострадал. Ясно?

Таннис кивнула.

— Вот и умница.

Он не спешил отпускать, но, когда Таннис поднялась, не стал удерживать ее. Он просто

стоял, глядя в глаза, и Таннис не выдержала, отвернулась.

— Ты веришь мне?

Он сдал за пояс.

Отступить?

Поздно. Таннис не дура, ответит «нет», и Грент не выпустит ее живой. Наблюдает. И ноздри раздуваются, словно он, как и его хозяин, пытается уловить ложь по запаху.

Не выйдет.

Не сейчас.

— Конечно, верю, — с улыбкой ответила она.

И Грент, кивнув, бросил:

— Хорошо. Но помни, лапочка, я знаю, где ты живешь...

Угрожает? Нет еще. Предупреждает. И улыбка его говорит, что лучше бы Таннис прислушаться к предупреждению. Она дернула плечом и села на место.

Стул раскачивался. Скрипел.

Бумажка жгла карман.

А время тянулось... и тянулось... на нее больше не обращали внимания, но Таннис выжидала, отсчитывая про себя секунды. С реки донесся голос вечерней баржи, и он послужил хорошим предлогом.

Таннис поднялась, легко передвинув стул.

— Если я вам не нужна, — эти двое надолго нашли себе занятие, Грент склонился над плечом Патрика, но тот, увлеченный работой, на надзор не обращал внимания, — то пойду, пожалуй.

Грент махнул рукой: мол, свободна. Только у дверей нагнал его голос:

— Через неделю в семь. Буду ждать. Не опаздывай, Таннис. И не отступай от плана.

В семь... опять придется заменяться.

...если, конечно, она не найдет способ соскочить.

Не позволят.

И хвост, за ней увязавшийся, лучшее тому подтверждение. Таннис не видела того, кто шел по ее следу, но чувствовала чужое пристальное внимание.

Влипла.

И Войтех сказал бы, что сама виновата, но... она найдет способ вывернуться. Вдруг да снова повезет?

Страхнув с куртки капли дождя, Таннис обернулась. Ничего. Дождь. Грязь. Крысы, выбравшиеся из подвалов. Мусорные кучи и белый дым, полосой протянувшийся по небу. Кислый запах мочи. Старый Крюнц, вновь заснувший на лестнице... громкий голос мамы, долетавший сверху. Ей визгливо отвечал управляющий, и эта ссора, видать, давно тянулась, утратила свой изначальный запал, но и прекратится она нескоро.

Таннис вздохнула. Как бы оно ни сложилось, но о своих она позаботится. И нашарив в кармане подмокшую бумажку, Таннис сжала ее в кулаке.

В новом ее доме будет пусто.

Спокойно.

Тихо.

Во сне Кэри вновь играла в прятки. И пряталась так хорошо, что тот, кто обычно шел за ней, отсчитывая время хрипловатым низким голосом, искал ее долго, до самого рассвета, но так и не нашел.

Она проснулась с улыбкой на губах и, вскочив с постели, бросилась к окну. Почти рассвело. Артритные ветви старых кленов цеплялись за желтый шар солнца в попытке хоть немного согреться. А Кэри чувствовала себя почти счастливой. Так уж повелось, что именно эти предрассветные минуты принадлежали только ей, и здесь, и в доме, в который Кэри уже не вернется.

Было ли ей грустно?

Ничуть.

Да и о чем грустить?

О скрипучей лестнице, которую охраняли две химеры. И в сумерках они скалились, словно тоже не признавали Кэри за свою. О дверях, вечно запертых. О ворчащих трубах, наполнявшихся по осени водой. Она гудела, и казалось, что дом страдает желудочными болями и оттого становится более сварлив, нежели обычно. Он вновь и вновь жалуется на Кэри, нарочно сталкивая ее с теми, кого она не желала бы видеть.

Нет, Кэри не хочет возвращаться.

Она вздохнула и обняла колени. Прислонившись к стеклу — все-таки холодное, — Кэри попыталась представить, каким будет ее муж. Конечно, Элоис вчера многое о нем рассказала, но... придумывать ведь куда как интересней.

Жаль, что он такой старый.

Кэри задумалась. Конечно, отец и постарше был, но выглядел неплохо. Зубы у него все сохранились. И на здоровье он не жаловался. И значит, возможно, все не так уж и плохо. Морщины, правда, уже появлялись, но к морщинам Кэри как-нибудь привыкнет.

Она постарается быть хорошей женой.

Доброй.

Ласковой.

И когда муж совсем состарится, а это наверняка произойдет очень скоро, то его не бросит. Она умеет быть благодарной, пусть бы он никогда не догадается, чем эта благодарность вызвана: все-таки непорядочно радоваться смерти брата.

Даже если этого брата от всей души ненавидишь. Кэри сжала кулаки, чувствуя, как ноготки ее впиваются в кожу. Надо успокоиться и забыть. Его нет. Совсем нет. И значит, нечего бояться, что где-то внизу громко хлопнет дверь, а тишину холла нарушит зычный голос Сверра:

— Где моя маленькая сестричка? Снова прячется?

Нет.

Кэри потрясла головой и шепотом повторила:

— Раз-два-три-четыре-пять...

Как ни странно, стало легче. Произнесенные ею же, слова потеряли былую силу.

Все у нее наладится.

Спустя сутки Кэри не была в этом так уверена.

В доме ее будущего мужа Кэри была лишней. Она снова всех раздражала. Выродок.

Она читала приговор в бледных глазах Виттара. И в равнодушных — Одена, который сказал что-то вежливое, но Кэри почуяла за словами пустоту. И эта пустота столь напугала ее, что Кэри не сумела ответить. Она вновь остро ощущала собственную никчемность, которую не исправить было ни прической, ни непривычно роскошным, чересчур уж открытым платьем, ни даже драгоценностями, присланными ее величеством...

И леди Эдганг нахмурилась, закусил губу, сдерживая едкие слова. Ее молчания хватило на обед, который прошел в напряженной тишине. Но когда подали чай, леди Эдганг раздвинула губы и проронила:

— Отродье.

Наверное, всего было чересчур много, и Кэри не выдержала. Она сама себе казалась струной, натянутой до предела. Тронь такую — и разорвется, ударит по пальцам, рассечет до крови.

Смешно.

Она и Сверру-то никогда ответить не умела.

И теперь что ей остается? Терпеть. Пить горький чай. Улыбаться.

Делать вид, что все хорошо.

Замечательно.

— Отродье. — Скрипучий голос леди Эдганг нарушил тишину гостиной. — Два отродья в одном доме...

— Простите? — Леди Торхилд растерянно улыбнулась.

— Она — отродье. — Леди Эдганг ткнула в Кэри пальцем и добавила: — Ты тоже.

Кэри вздрогнула, и чашка в ее руке опасно накренилась.

— Безрукая... — с глубочайшим удовлетворением заметила старуха.

— Ничего страшного. — Леди Торхилд подала салфетку. — Пятнышко совсем крохотное. Его выведут к завтрашнему дню.

Пятнышко... крохотное... темное пятнышко на нарядном платье... таком красивом, что на мгновение Кэри показалось, будто и сама она хороша собой. Это ложь, выродки не бывают красивы, а теперь и платье испорчено. И на глаза навернулись слезы, которые не могли остаться незамеченными. Леди Эдганг всегда остро чуяла настроение Кэри. Сейчас она усмехнулась и бросила:

— Пустая кровь... гнилая... иди к себе.

С ее стороны такой приказ — почти милосердие: плакать лучше за закрытыми дверями. Кэри было невыносимо от мысли, что все получилось так нелепо. И вправду ничтожество, позор древнего и сильного рода... недоразумение, которому нигде не рады.

Роскошные покои были пусты. И Кэри почти удалось прийти в себя. Она уселась у окна, которое выходило на тисовую аллею.

Вновь начался дождь, и Кэри наблюдала за тем, как капли скользят по стеклу, вырисовывая зыбкие осенние узоры. К ней возвращалось утраченное спокойствие, впрочем, хватило его ненадолго.

— Ничтожество, — сказала леди Эдганг с порога. — Безрукое ничтожество, которое по недоразумению выжило и теперь позорит меня.

Она вернулась злой, странно взъерошенной и до самого вечера бродила по комнатам, трогая чужие вещи, брезгливо кривясь и вытирая руки о подол платья. Она шипела и стонала,

а оказываясь рядом с Кэри, щипала ее. Когда же наступили сумерки, леди Эдганг прогнала горничную и сама взялась за гребень. Она вырвала шпильки из волос вместе с волосами же. И раздраженно швыряла в шкатулку. Ее руки, касаясь лица Кэри, вздрагивали. Еще немного, и леди Эдганг не выдержит, вцепится когтями в щеки, рванет, оставляя шрамы, уродуя.

Нельзя о таком думать.

— Мой мальчик погиб, а ты... — Сухие пальцы разодрали покрывало волос. И острые зубья гребня вцепились в него, дернули. — Безрукое. Бесполезное существо. Почему ты жива?

Кэри знала: отвечать нельзя.

Леди Эдганг всегда ее недолюбливала, и, повзрослев, Кэри поняла причины этой нелюбви. Да, Атрум из рода Лунного Железа был ее отцом, но леди Эдганг, его супруга, не была матерью Кэри. Когда-то давно эта нелюбовь была прохладной, отстраненной, и огромный старый дом позволял не ощущать ее. В детстве Кэри побаивалась этой женщины с сухим, до срока постаревшим, но сохранившим следы былой красоты лицом. При встречах с Кэри, случайных и редких, на лице этом появлялось выражение величайшей гадливости, и Кэри не понимала, что же с ней не так. Возвращаясь к себе, она становилась перед зеркалом и долго разглядывала отражение, выискивая то, что столь огорчало леди Эдганг.

Не понимала.

А Сверр объяснил.

— Просто ты ублюдок, — сказал он однажды, кажется, тогда он еще не умел играть в прятки, а Кэри не научилась бояться его. И они вдвоем сидели на подоконнике. Сверр стащил кусок булки и крошил ее на подол платья Кэри, а потом они вместе бросали крошки голубям. Птицы слетались и суетились, хлопали крыльями, теснили друг друга. — Твоя мать была шлюхой. — Сверр бросал крошки по одной, стараясь отбросить подальше, и веселился, глядя, как суetyтся голуби.

— Кто такие шлюхи? — спросила Кэри.

Ей хотелось стряхнуть все крошки разом, чтобы птицы наелись и не дрались друг с другом, но она знала, что Сверр не одобрит. И нечестно портить ему веселье.

— Это женщины, которые ложатся в постель с мужчиной за деньги.

Кэри все равно ничего не поняла, но почувствовала, что женщины эти поступают очень плохо.

— Мама говорит, что ты шлюхино отродье, — добавил Сверр.

Прозвучало донельзя обидно, и Кэри насупилась, готовая разреветься. А Сверр погладил ее по голове и, утешая, произнес:

— Но я все равно тебя люблю. Ты же моя сестра.

Он обнял ее, а она прижалась к нему, теплему и тогда еще надежному, единственному, кто снисходил до разговора с ней. И крошки просыпались на землю, к вящей голубиной радости.

А спустя два года Сверр ушел в Каменный лог, и там случилось что-то такое, что изменило его...

— Почему ты выжила? — шелестел голос леди Эдганг, и ледяные пальцы ее сдавили шею. — Мой мальчик погиб, а ты выжила?

Нельзя ей отвечать. И в глаза смотреть не стоит. Однажды Кэри забылась, и леди Эдганг напомнила ей о том, кто она есть, пощечиной. Разбитые губы потом долго болели.

— И теперь ты выйдешь замуж за его убийцу. — Вцепившись в белые пряди, леди

Эдганг дернула.

Кэри стиснула зубы, сдерживая стон. А пальцы вдруг разжались, и леди Эдганг отпрянула. Она покосилась на дверь, подошла к ней на цыпочках и, нажав на ручку, приоткрыла.

Кого она ожидала увидеть за дверью?

— Ты, — леди Эдганг подскочила к Кэри и, схватив за волосы, вновь дернула, — пойдешь к нему. И соблазнишь его.

Глаза ее пылали.

— Я не умею.

Ослушаться? Пожаловаться? Но кому?

— Умеешь. — Глаза леди Эдганг были совершенно безумны. — Твоя мать была шлюхой. И ты шлюха. У тебя это в крови. Ты соблазнишь его...

Она шипела, выкручивая руку. И Кэри вновь пыталась не закричать от боли.

— ...а потом убьешь. Он убил нашего мальчика, а ты... — Она вдруг захихикала. — Это будет справедливо. Кровь за кровь. Смерть за смерть.

— Я не...

Пощечина была хлесткой и горячей.

— Заткнись.

Холодные пальцы погладили щеку, унимая боль от удара.

— Ради нашего мальчика, Кэри. Ты ведь его любила, я знаю. А он любил тебя... ради него... вырви у этого ублюдка сердце...

В покоях Одена из рода Красного Золота пахло осенью.

Но не ранней, медово-пряной, позолоченной, а переломной, сырой, с дождями и слякотью, с извечной тоской и непролитыми слезами. Они подбираются к глазам, оседают на иглах ресниц, но не решаются сорваться.

Нельзя плакать.

И Кэри кусала губы, запирая слезы внутри.

Холодно.

И темно. Невыносимо стыдно от осознания того, что ей предстоит делать. От собственной беспомощности и неумения отказаться. И щека пылает, храня прикосновение ладони леди Эдганг.

Бежать?

Куда?

И в таком виде... Кэри опасалась смотреть на себя в зеркало, но все же, не способная справиться с искушением, поворачивалась к нему.

Вот она. Белые волосы. Желтые глаза. Бледная кожа и белое же кружево инеистым узором... зима скоро. Какая несвоевременная мысль. Зимой холодно, несмотря на то что в доме топят, пусть и слабо. Тепло живет в каминах первого этажа, в трубах второго, а до комнаты Кэри, на третьем, добирается редко. И поутру стекло и подоконник изнутри покрываются тонкой слюдяной корой. Она тает при прикосновении, а холод щиплет пальцы.

По полу сквозит, и дыхание зимы ласкает ступни Кэри.

Зимой сумрачно. В ее окна редко заглядывает солнце, и Кэри просыпает рассветы, она впадает в некое странное состояние покоя, когда постоянно хочется спать. И поутру ей сложно открыть глаза. Она сворачивается клубочком под пуховым одеялом, толстым и

надежным. Кэри лежит, слушая, как часы в углу отсчитывают минуты ее жизни, и гадает, сколько уже прошло.

Утро тянется и тянется.

В четверть восьмого лестница скрипит.

И дверь открывается.

— Леди, пора вставать... — Голос горничной по-зимнему холоден, и Кэри не хочется видеть эту женщину с седыми волосами и замороженным лицом, которого никогда не касается улыбка...

...больше не увидит.

Нынешняя зима будет другой.

Какой?

Кэри не знала. Она прижала ладонь к щеке, пытаясь унять призрак боли. И руку погладила, сама себе строго велев:

— Кэри, успокойся.

Обычно это помогало, но не сейчас. Ком из слез подкатил к самому горлу, и Кэри едва не задохнулась.

Чем она заслужила подобное?

Тем, что выродок?

Наверное.

Она потрогала кружевной халат, слишком тонкий, чтобы скрыть хоть что-то, и сорочка под ним была бесстыдно прозрачна.

— Так надо. — Леди Эдганг не желала слушать возражений, и Кэри пятилась, пряча руки за спину, пока не уперлась в стену. Оказалось, отступать больше некуда. И леди Эдганг швырнула кружевной ком в лицо, бросив: — Надевай.

— Я не буду.

— Будешь. — Руку Кэри сдавили и вывернули. — Ты сделаешь все, что тебе говорят.

— Нет.

Боль усилилась, но игры со Сверром научили терпеть ее.

— Сделаешь. — Леди Эдганг, как и он, смотрела в глаза и улыбалась. Ей нравилось, что Кэри сопротивляется. Значит, можно сделать еще больнее. И пальцы, сдавливавшие руку, усилили нажим. — Конечно, сделаешь. Ты же не хочешь расстроить ее величество?

Женщину в черном и с пустыми глазами, в которых порой появлялся интерес. Тогда глаза эти обретали подобие жизни.

— Ее величество...

— Поручили мне за тобой присматривать. — От леди Эдганг пахло болезнью, и кисловатый аромат был столь омерзителен, что Кэри попыталась отодвинуться. — И сделать так, чтобы эта свадьба состоялась.

Леди Эдганг зашлась дребезжащим смехом. Она сошла с ума, наверное, давно, но этого никто, кроме Кэри, не замечает. Всем все равно. И если так, то стоит ли просить о помощи?

Кэри ведь знала ответ.

Никто и никогда не слышал ее.

...кроме Сверра.

— Дурочка. — Пальцы вдруг разжались, и леди Эдганг погладила руку, точно извиняясь за причиненную боль. — Ты цепляешься за ложную скромность, а она не принесет тебе

ничего, кроме беды. Послушай меня, девочка... — Она говорила так ласково, что Кэри стало страшно. — Как ни прискорбно осознавать, но ты и я — все, что осталось от некогда великого рода... последние искры гаснущей жилы. Ты слышала, что сказала королева?

Каждое слово.

— Им всем мало просто убить. Им надо унижить. Втоптать в грязь. Но мы этого не допустим, правда? — Леди Эдганг провела ладонью по волосам Кэри. — Ты — бастард. Выродок. Однако ты нашей крови. Неужели не слышишь ее голос?

Кэри попыталась отвернуться, но ей не позволили.

— Кэри, — леди Эдганг никогда не обращалась к ней по имени и не касалась с такой непритворной нежностью, — я знаю, что мой мальчик хорошо к тебе относился. Порой он бывал груб, но все мужчины грубы. И тот, кого назначили твоим мужем, много хуже Сверра. Если ты думаешь, что он станет тебя защищать, — ошибаешься. Не станет. Он возьмет тебя в свою постель. И, возможно, назовет женой, но... ты же слышала, ему нужна другая женщина.

Горько.

Всегда горько, но сегодня горечь почти невыносима.

— Посмотри на меня, Кэри.

Не подчиниться?

Леди Эдганг не потерпит неуважения.

Уйти?

Кэри некуда идти.

— Король отдает вместе с тобой земли нашего рода и право заложить камень нового дома. На осколках старого, нашего с тобой дома, Кэри. И ты — лишь способ придать этой затее видимость законности.

Холодная ладонь погладила шею. И леди Эдганг отстранилась. Развернувшись — черные юбки скользнули по ногам Кэрри, — она подошла к туалетному столику. Пальцы пробежались по крышке шкатулки, которую леди Эдганг привезла с собой.

— Сама по себе ты — ничто. И так и останешься ничем. А когда надоешь своему мужу, он от тебя избавится. И никто, Кэри, никто не встанет на твою защиту.

Раздался щелчок, и крышка откинулась.

— Поверь, я знаю, о чем говорю. — Леди Эдганг вытащила прозрачный флакон с узкой горловиной. — Этот мир принадлежит мужчинам. Как бы ты ни хотела обратного... — Она повернулась к Кэри. — А все, что остается женщинам, — это месть.

...И терпение, которое есть главная добродетель женщины. Кэри помнит. Но с каждым днем терпеть становится все сложнее.

Следом за флаконом из шкатулки появился узкий стилет.

— Ты боишься. Правильно, Кэри, бойся. Смерть страшит, но... смерть бывает разной. Тебе выбирать. — Она протянула руки. — Вот яд. Вот сталь.

Кэри отшатнулась и, наклонившись, подобрала кружевной комок.

— Ты пойдешь к нему, — в глазах леди Эдганг жило безумие, — и отомстишь за наш род... нашего мальчика... или останешься здесь и умрешь вместе со мной.

— Я...

— Одевайся, — мягко произнесла леди Эдганг, поднимая флакон к газовому рожку. — И поспеши. Постарайся быть послушной девочкой. Мужчины это любят.

Перечить Кэри не посмела.

И вот теперь, сидя в чужой кровати, она считала удары собственного сердца и отчаянно

прикрывала подушкой стилет. Она знала, что не сумеет ударить, но не находила в себе сил расстаться с оружием.

А дождь за окном оплакивал Кэри.

Сегодня она не сможет убить, и тогда завтра убьют ее. Леди Эдганг всегда умела держать слово.

Как быть? Кэри не знала. Сидела. Ждала. И дождалась. Вот за дверью раздались быстрые шаги, и Кэри сжалась.

Еще мгновение... Дверь открылась беззвучно, и длинная тень легла на ковер.

Кэри закусил губу, приказав себе не плакать.

Тень приблизилась. И замерла.

А Кэри нашла в себе силы поднять взгляд.

Оден из рода Красного Золота возвышался над ней и разглядывал ее, а выражение светлых глаз его было странным. Но он не злится.

— Под одеялом было бы теплее, — наконец произнес он.

Наверное.

— Давно ждешь?

Кивнула, понимая, что не в состоянии произнести ни слова. Давно. Целую вечность, которая, к ее ужасу, закончилась.

— Тебе приказали?

— Я... должна служить... вам. — У Кэри все же получилось заговорить, но, руда первозданная, что она несет? Оден же наклонился к ней, коснулся щеки, и Кэри отшатнулась, но тут же замерла, закрыла глаза, смиряясь с неизбежным.

Ей надлежит быть покорной. И быть может, тогда получится выжить.

— Так будет лучше. — На плечи упало что-то тяжелое и теплое, пахнущее осенними дождями. Оден мягко произнес: — А служить мне не надо. Лучше будет, если ты вернешься к себе.

— Я... недостаточно красива? — Кэри не может вернуться. Там ведь леди Эдганг и флакон из прозрачного стекла в тонких ее руках. А во флаконе — яд. И если Кэри вернется сейчас, то не увидит рассвет. — Я знаю, что ничего не умею, и... я буду очень стараться. Я клянусь, что буду очень стараться и...

— Девочка... — Оден присел у кровати и взял ее руки в свои. Ладони его были горячими и большими, шершавыми... а если на лицо посмотреть, то вовсе он не старый. Чем-то на отца похож, только тот редко Кэри замечал. И уж точно ему бы в голову не пришло разговаривать с нею. — Ты очень красива. А со временем станешь еще краше. И в любом другом случае я был бы рад взять тебя в жены. Но дело в том, что я уже женат, понимаешь?

Да, Элоис рассказывала о той свадьбе.

— Мне сказали, что та... свадьба не считается. Что она не настоящая.

— Это не так.

Больше Кэри не задавала вопросов, но сидела тихо-тихо. А он, отпустив руки, повернулся к Кэри спиной. Собирается?

Сбежит.

И значит, свадьба не состоится. Что тогда будет с Кэри?

Леди Эдганг разозлится на нее... А королева? И король? Сочтут виноватой... всего-то и надо было, что... а она не справилась.

Потому что выродок.

— Не уйдешь? — спросил Оден, застегивая пуговицы старой куртки.

Она покачала головой и упрямо закусил губу: ей некуда идти.

— Тогда я должен буду тебя запереть.

Кэри кивнула — пусть запирает, лучше здесь, чем с леди Эдганг. И быть может, нынешняя ночь — последняя в ее жизни. Кэри только уточнила:

— Надолго?

— До утра... а там, как получится. К обеду точно освободят. Ванная комната вон за той дверью. Здесь есть фрукты, вино и печенье... На помощь звать не станешь?

Не будет. Она спрячется и будет благодарна за эти часы спокойствия.

— Вот и умница. — Оден погладил ее, и это прикосновение к волосам было по-настоящему ласковым. И жаль, что он не может стать мужем Кэри. — Завтра скажешь, что я тебе угрожал.

— Но... это же неправда!

А Кэри не очень хорошо умеет врать. Оден усмехнулся:

— Боюсь, что правда мало кому интересна. Ложись и засыпай спокойно. Здесь тебя никто не обидит.

Кэри кивнула и послушно забралась под одеяло, но плащ из рук не выпустила. С ним она чувствовала себя почти одетой. И на удивление защищенной. Это чувство было незнакомым, но придавало смелости. И Кэри спросила:

— Ваша жена... она какая?

Должно быть, она потрясающая женщина, если ради нее Оден из рода Красного Золота готов пойти против короля. И он, улыбнувшись, сказал:

— Она самая красивая женщина в этом мире.

— Тогда вам повезло.

Кэри закрыла глаза: она не хочет смотреть, как он уходит, пусть бы и привыкла к одиночеству. В одиночестве нет ничего плохого, напротив, оно дает спокойствие.

— Очень повезло, — ответил Оден и дверь закрыл.

В темноте шелестел дождь. И Кэри, лежа на чужой кровати, рисовала себе очередную сказку. В ней и комната, и дом принадлежали Кэри. И в этом доме было спокойно, потому что где-то рядом находился тот, кто готов был защитить Кэри.

Любой ценой.

Он близко. Просто вышел ненадолго, но если подождать, то он вернется.

И Кэри ждала.

Этой ночью сон вернулся.

Вначале был звук. Глухой удар. Еще один и снова.

Мерные. Ритмичные. Гулкие.

Медленно оживало механическое сердце дракона, и эхо катилось по металлу костей.

Вздروгнули и зашелестели сложенные крылья, и в нос шибало запахом железной окалины.

Руки Брокка — обе живые, целые — лежали на чешуе.

Дракон был жив.

Почти.

В желтых глазах его Брокк видел себя. И сам себе казался донельзя жалким, ничтожным.

— Вперед. — Хлопок по шее, и дракон, окончательно очнувшись, делает шаг.

Темнота. И светлый прямоугольник — ворота ангара. А за ними — обрыв, ущелье, в котором ярится запертый меж скал ветер. Небо низкое, разодранное, и сквозь прорехи его лезет мучнистая взвесь облаков.

— Мастер, вам не следует...

...подходить к обрыву. Вдоль него протянулась узкая лента ограды, но дракон ее не замечает. И Брокк позволяет себе переступить эту границу.

Скала уходит вниз. Резко. Ровно. Словно давным-давно, когда мир стоял на одном Камне, том самом, на котором приносились клятвы, эту скалу рассекли пополам. Клинок был остер, и срез вышел гладким. Синие, зеленые, алые ленты пород сменяли друг друга. А где-то далеко, на дне ущелья, гроыхала река. Но сегодня и она, и противоположный берег скрывались за туманным пологом.

Прохладно.

Странно, что во сне он способен ощущать холод. И вкус воды на губах: воздух напоен влагой, и она оседает, что в волосах, что на куртке, прозрачными каплями.

— Мастер, он сейчас...

Дракон, добравшись до края, застыл. Шея его опустилась. Выгнулось змеевидное блестящее тело. И тяжелые крылья сомкнулись за спиной. Зверь раскачивался, опираясь на хвост, и Брокк, сколько ни вглядывался, вновь пропустил момент, когда дракон соскользнул со скалы.

Вот он сидит. И вот уже, расправив полотнища крыльев, летит вниз.

Ревет воздух. Порыв ветра опрокидывает Брокка на спину, и он кувыркается через ограду, но к счастью — не в пропасть. Хотя в этот миг Брокка невыносимо тянет броситься за зверем. Шагнуть к краю и дальше, скрыться в туманном облаке.

Но чьи-то руки удерживают, помогают подняться.

А ветер стихает.

И вообще только во сне возможна подобная тишина. Густая. Тяжелая. Непробиваемая. Брокк оборачивается и видит искаженное криком лицо Олафа. Рука его тянется, указывая на что-то за спиной Брокка. И губы кривятся.

Уступ накрывает черная тень. И Брокк оборачивается.

Медленно. Невыносимо медленно.

Из наполненной туманом пропасти, заслоня солнце, поднимается дракон. Слепит сиянием черная чешуя. И вспыхивают узоры энергетических контуров. Полупрозрачные

крылья преломляют свет, и тень дракона меняет окрас. Она не черная, но темно-лиловая, как мамины крокусы.

— Поздравляю, мастер, — говорят Брокку и спешат пожать руку. Бьют по плечу. Кричат. Кто-то, кажется Ригер, достает шампанское. И хлопает пробка, а пена льется на камни. Пьют из горстей и перчаток, смеясь и фыркая. Ингольф и тот сбрасывает маску надменного равнодушия и не отворачивается, когда Риг в приступе дружелюбия, ему несвойственного, хлопает Медного по плечу.

Сегодня можно. Особый день: у них получилось.

А над ангаром, пробуя на прочность подаренные крылья, кружит дракон. Брокк смотрит на него до тех пор, пока шею не начинает ломить от боли. И глаза слезятся. Ему суют в руки его же перчатку, наполненную шампанским.

— За вас, мастер! — Олаф подпрыгивает от избытка эмоций. И шампанское выливается из перчатки.

Брокк пьет. И пузырьки щекочут нёбо, покалывают язык.

Даже проснувшись, Брокк ощущает это покалывание и кисловатый вкус шампанского. А перед глазами стоит тень дракона. Ему недолго выпало летать на свободе.

Вставать смысла не было. До рассвета далеко, дождь шелестит, ласкаясь о стекла. И пустота комнаты давит на нервы. Снова ноет отсутствующая рука, а голову сжимает знакомая тяжесть. Еще немного, и сон вернется.

Брокк знал. Не сопротивлялся.

Он закрыл глаза и раскинул руки — кровать была слишком велика для одного, и, странное дело, даже под пуховым одеялом Брокк мерз. Он лежал, смирившись с неизбежным.

...Тени гор у самого горизонта. Шаг назад, и растворятся, сольются с белой лентой, разделяющей небо и землю. Пока же горы почти игрушечные, фигурки из сине-зеленого стекла на ладони Брокка. Но с каждым взмахом драконьих крыл они приближаются. Растут. И вырастают, добравшись вершинами едва ли не до неба. Узкая полоса Перевала — рваная рана на гранитном теле, и застывшая лава подобна сукровице. Брокк слышит голос земли. Стоит позвать, и рана раскроется, выпустив нестабильные жилы.

Странно, что в этом сне нет ветра, хотя дракон летит быстро.

И в какой-то миг он падает, скользит отвесно, лишь в последний миг расправляя крылья. Хлопают. Выгибаются. Гудят от напряжения жилы суставов, и гнется змеевидное тело, почти переламываясь. А механическое сердце сбивается с ритма, но все же выдерживает перегрузку.

Брокк вновь отмечает, что надо увеличить энергоемкость кристалла. Выше девятого уровня не прыгнуть, но если попробовать расширить емкость одной ячейки за счет сжатия...

Мысль была знакомой и несвоевременной.

И сон от нее отмахнулся.

Дракон же пересек границу Перевала и, спустившись к самой земле, скользил над лоскутным ее покрывалом. Мелькали и исчезали ленты рек, желто-зеленые пятна полей и лугов, темная насыщенная полоса леса... черные прорехи человеческих поселений.

— Не надо. — Брокк хлопнул по чешуе дракона, но сотворенный им же зверь не услышал.

Он двигался к цели, и цель была близка.

— Разворачивайся.

Знакомая синева озер.

— Слышишь, разворачивайся! — Брокк кричит, и голос рвется.

Сон забирает звуки, оставляя лишь мерное шелканье механического драконьего сердца, скрип суставов и стеклянный перезвон шаров, в которых заперто пламя.

И Брокк, свесившись с седла, пытается развязать страховочные ремни. В этом сне рука одна. Левый рукав подколот, и культия мешает удержать равновесие. Но Брокк справляется.

Одна за другой раскрываются защелки, и ремни падают. А он пригибается к драконьей шее, пальцами пытаюсь ухватиться за чешую, которая оказывается слишком плотной. И Брокк скользит, почти соскальзывает на неровную плоскость драконьего крыла.

Наяву его бы сдуло, но во сне есть шанс все исправить.

— Я тебя создал...

Зверь не слышит.

А цель близка. Он снизился настолько, что Брокк видит белые стены Аль-Ахэйо, мраморного дома, который много больше, чем дом.

Дворец хозяйки Лоз и Терний укрыт под холмами, но Аль-Ахэйо беззащитен. Вот проплывает колоннада королевского пути, где каждая колонна украшена статуей. Их создал Экайо, безумный скульптор, что был влюблен во все свои творения и не находил в себе сил расстаться с ними.

Сама дорога, убранная тяжеловесным крапом гранита, видится Брокку рекой.

Вспыхивает солнечный янтарь окраин, в которых нет ничего от обычной грязи, присущей бедным городским кварталам. Кольца трех стен. И белоснежное величие дворцов, которые растут, облаканные здешним солнцем.

Аль-Ахэйо не знает зимы.

И горя.

Золотой иглой торчит шпиль Альтийской библиотеки.

И люди. Множество людей. Брокк знает, что сон лишь сон и вряд ли все на самом деле было так, но...

Он тянется, пытаюсь добраться до сети, на которой висят гроздь шаров.

Бессмысленная попытка. Если разожмет пальцы, то скатится по крылу и вниз на камни и острые пики сторожевых деревьев, что защищают Аль-Ахэйо. А если будет держаться, то... культия бессильно дергается, неспособная даже коснуться сети.

А дракон расправляет крылья и, перевернувшись в воздухе, отпускает груз.

— Нет!

Собственный голос почти будит Брокка. Но сон слишком цепок.

И да, Брокк должен видеть это собственными глазами.

Шары летят.

И сеть раскрывается, раздирая гроздь. Бусины разорванного ожерелья. Огненный жемчуг, который вот-вот коснется земли. И уже в воздухе срабатывают запалы, трещат, ломаясь, энергетические контуры клеток. Вспыхивает пламя, освобожденное, злое.

И дракон поднимается выше, спеша уйти от волны жара.

А шары пламени распускаются один за другим. Падают, оказавшись на пути огненной бури, старые колонны. Раскалываются, плавятся статуи. И сторожевые деревья становятся пеплом. А стены, некогда выдерживавшие не одну осаду, сгорают. Плачет мрамор. Исчезают люди.

Так быстро... было ли им больно?

Хриплый клетот дракона бьет по ушам. И Брокк вздрагивает, пальцы разжимаются, и он сам летит в ласковые руки огня. Еще немного, и... когда жар опаляет волосы, наступает пробуждение.

Оно резкое.

Всегда.

И Брокк вздрагивает всем телом. А пальцы железной руки вновь немеют. И живое железо не сразу откликается на призыв. Несколько секунд влажной тишины, прерываемой лишь собственным хриплым дыханием.

Пальцы все-таки сгибаются, хотя мерещится, что скрипят, и скрип этот действует на нервы. Выше локтя рука ощущается раскаленной. Кость греется, и мышцы того и гляди начнут оползать, расплавленные сетью управляющего контура. Боль отдает в плечевой сустав, и рука подергивается сама собой, словно Брокк все еще пытается зацепиться за воздух.

Дальше лежать не имело смысла, и Брокк, не без труда перевалившись на бок, поднялся. Вода в графине была теплой и отдавала отчего-то лавандовым мылом. И этот не то вкус, не то запах вытянул из памяти очередную занозу.

Не вовремя.

Не здесь.

Не сейчас.

А за окном светает. Снова дождь... сад размок. И влажность пробиралась в дом, оседая на металле каминных решеток призраками ржавчины.

Как рак.

Сегодня рыжая искра, а завтра — уже пятно, что точит металл.

...или хрупкое человеческое тело.

Дита доживет до зимы, но дальше... с каждой неделей ей становится все хуже, и отвары, одобренные хорошей порцией опиумного настоя, почти не помогают. Она хочет уйти, но держится, упрямая женщина. Ради дочери, которая и не знает о болезни, а значит, рассказывать придется Брокку. И ради него тоже. Дита боится оставлять его в одиночестве, и Брокк благодарен ей за страх.

Остатки воды он вылил на голову и встряхнулся.

Хватит о плохом. Надо взять себя в руки, хотя бы в одну. Заглянуть в ванную комнату. Одеться. Спуститься к завтраку и сделать вид, что все хорошо.

У Эйо хватает собственных бед, чтобы брать на себя еще и чужие.

Но оказалось, что Эйо ушла.

Приоткрытое окно и подсохшие чужие следы. Запах меткой, которую нельзя стереть. Сброшенное на пол покрывало. Брокк поднял его и вернул на постель.

Стол. Чернильница, которую забыли прикрыть. И записка под тяжелой серебряной лапой пресс-папье. Вьются буквы по бумаге, словно лоза. И Брокк любит ими, не желая вникать в смысл написанного.

«Прости меня, пожалуйста, но ты же понимаешь, что я не могу остаться.

Я надеюсь, что мы еще встретимся. И даже не так: я верю, что мы еще встретимся, и к этому времени я стану немного иной, чуть более похожей на тебя.

Все будет хорошо.

Я очень люблю тебя, брат».

Эйо ушла.

Брокк надеялся, что она будет счастлива. А если нет, то... теперь у нее есть дом, в который можно вернуться. И значит, все действительно будет хорошо.

Не для него.

Нахлынувшее раздражение, иррациональное, направленное прежде всего на себя, было столь велико, что Брокк дернулся и задел кофейник.

Звон. И веер фарфоровых осколков. Кофейная лужа на полу и ковре. Кофейные пятна на брюках.

— Проклятие!

Выдохнуть. Унять ярость. Уйти. Спрятаться в тишине тренировочного зала. Но и здесь в воздухе мерещится все тот же назойливый аромат лаванды. Синие цветы на белом покрывале... в вазе на столе... в холеных пальчиках. Они обрывают бутон за бутоном, и лоскуты лаванды падают на пол.

Да что сегодня за день такой?! Брокк не без труда отогнал воспоминание.

В тренировочном зале сумрачно. Огромные окна закрыты щитами дождя, и слабый свет осеннего солнца искажает знакомое пространство. В нем пляшут тени, и лица статуй оживают. Еще немного, и все они повернутся к Брокку, чтобы сказать:

— Уходи.

— Ну уж нет. — Его голос рвет тишину. И шаги на плитах рождают недолгое эхо.

Обойдя зал по кругу, Брокк содрал домашнюю куртку, кажется, снова с пуговицами не справился — порой он становился до отвращения неловок. Куртка полетела на постамент статуи. И следом за ней — рубашка. Домашние туфли оставил здесь же.

Живое железо, почуяв близость свободы, рвануло, меняя тело. Горячая волна накрыла Брокка с головой. Сердце засбоило, но выровнялось в подзабытом ритме. Поплыло зрение, и мир, созданный запахами, стал чуточку иным, более сложным. Он — рисунок пастелью, в котором мешаются тона и полутона, в великом множестве красок. И несколько секунд Брокк просто стоял, наслаждаясь этим полузабытым восприятием.

На камне вилась дорожка чужих следов.

И лавандой теперь пахло отчетливо, резко. Брокк хотел пройти по следу, дернулся и... взвыл.

Колченогий урод.

Калека.

Существо без права на жизнь.

И на что он надеялся, вернувшись туда, где ему не место? Под взглядами статуй он вновь остро осознавал свое уродство. И скалился, держался. Ковылял по нарисованному лавандой следу, пока не добрался до порога, а там след исчез, затертый другими.

Брокк вернулся. В центре зала он лег, поджав обрезанную лапу с нашлепкой-рукой под живот. Лежал долго, сам не зная, чего хочет добиться.

— Мне сказали, что тебя здесь найти можно. — Этот голос заставил вздрогнуть и зарычать.

Виттар из рода Красного Золота оглядывался, не давая себе труда скрывать интерес.

— Мило. Я бы сказал, весьма мило.

Что ему надо?

— Тебе нечего стыдиться. — Виттар остановился перед статуей, изображавшей пса в полной боевой ипостаси, и потрогал иглы. — Я слышал, что с тобой произошло.

Неудачный опыт. И собственная глупость, которая обошлась дорого. Дед был прав:

Брокк не имел права на такой риск. Вот только раскаяние ничего не меняет.

— Вставай.

Брокк отвернулся. Мало того что этот Высший без приглашения объявился в его доме, так еще и командовать взялся?

— Вставай, — повторил Виттар, щелкнув мраморного пса по носу. — Король ждет.

Стальной Король сидел, вытянув ноги и ладонями накрыв узловатые колени. Королевские пальцы мяти ткань, и Король морщился, должно быть, собственные прикосновения причиняли ему боль. Это проявление слабости заставило Брокка отвести взгляд.

— Я тут подумал, — голос его звучал мягко, — что тебе пора жениться.

Брокк молча ждал продолжения.

Меньше всего ему сейчас нужна жена. И без нее забот хватает.

— Поскольку, — в глазах Стального Короля мелькнула насмешка, — ты сам не удосужился озаботиться поисками невесты, я решил вмешаться. Надеюсь, ты не возражаешь?

Риторический вопрос, и ответа Стальной Король не ждал. Он поднялся, опираясь на широкий подлокотник кресла, и так и остался стоять, разве что руки легли на спинку.

— Итак, ты не возражаешь... — задумчиво повторил он, проводя пальцами по бархатной обивке кресла. — И значит, нет никаких сердечных тайн? Привязанностей?

— Нет.

— Замечательно... и глупостей ты натворить не успеешь. Я позабочусь. — Он бросил взгляд на Виттара. — Что ж, в таком случае позволь познакомить тебя с невестой. К сожалению, пышной свадьбы я тебе не обещаю, но захочешь — устроишь сам.

Виттар вышел, и в кабинете воцарилась тишина, впрочем, длилась она недолго.

— Брокк. — Стальной Король отпустил кресло и сделал шаг к камину. Вытянув руку, он уперся в каминную полку, подвинув фарфорового голубя. — Мне докладывали о том, насколько ты был... неблагоприятен.

— Я сожалею.

— Не сожалеешь, — жестко оборвал Стальной Король. Вторую ногу он подволакивал, и на ворсе ковра остался широкий след. — Не притворяйся. Это я сожалею, что не могу просто взять тебя за шиворот и хорошенько встряхнуть. Хватит. — Король наклонился и, обняв ногу под коленом, переставил ее поближе к камину. — Ты заперся в своем несчастье и не видишь ничего вокруг. Да, появление сестры несколько тебя встряхнуло, но, оказывается, не настолько, чтобы ты совсем ожил. Ты отпустил ее... не отворачивайся, я прекрасно знаю, что ты был в курсе этой нелепой затеи.

— Простите.

— Не прощу, — пробормотал Стальной Король и все же распрямился. Он двигался столь медленно и осторожно, словно боялся, что неловкое движение причинит ему боль. А может, так и было. — Вы мне всю игру сломали...

Прозвучало обиженно, но эта обида была частью маски. Король же вернулся к каминной полке. Сняв с нее фарфорового голубя, он повертел статуэтку в пальцах и вернул на прежнее место.

— Но ладно, я умею признавать поражение. Любовь так любовь. Оден сам выбрал, пусть живет. И за сестру можешь не волноваться. Я не собираюсь причинять ей вред.

— Спасибо.

— Пожалуйста. — Отодвинув голубя, Король дотянулся до пары дам с веерами. Фигурки кланялись друг другу, и складки платья поблескивали позолотой. — Но мы сейчас не о ней, а о тебе. Я узнаю этот взгляд. Опять в меланхолию впасть собираешься? Брокк, ты же не истеричная девица, которой нужно принимать капли для успокоения нервов.

Король был прав, и за собственную слабость, вернее за то, что поддался ей, становилось стыдно.

— Ты мастер.

— Я не...

— И лучший мастер на моей памяти. — Перевернув фарфоровую даму, Стальной Король бесстыдно заглянул ей под юбку. — Твоя сила в твоей голове. И вчера ты едва с этой головой не расстался. По собственному, заметь, почину. И скажи, что я должен сделать для того, чтобы ты наконец стал думать?

— Я вернусь к работе...

— Конечно, вернешься, — перебил Король и с явным разочарованием поставил даму рядом с голубем. — Но я не о том.

— Не понимаю.

— Понимаешь, не притворяйся. — Стальной король сделал шажок и поморщился. — Не один ты искалечен. Смирись уже. Успокойся. Научись жить.

— Как?

— Как-нибудь. — Следующей в ряду фарфоровых безделушек была борзая, но к ней Король не прикоснулся. — Так, как все живут. И выживают. У тебя нет руки, но ты себе сделал руку.

Металл, статичный, покорный, но неспособный к изменению.

— У многих и этого нет. Кстати, ты оформил наконец патент?

— Да.

— Вот и молодец. На фабрике Вейса готовы выделить линию под протезы. У них уже есть с полсотни заказов... и продолжают поступать. И скажи, мастер, почему я должен заниматься этим?

Упрек был заслуженным.

— И знаешь что? Для многих эта твоя... придумка будет спасением. А ты...

— Я понял, ваше величество.

— Ничего ты не понял. — Со вздохом Стальной Король потянулся к фигурке охотника. — Тебе кажется, что твоя беда исключительна. Возможно, так оно и есть. Но ты либо научишься уживаться с нею, по-настоящему уживаться, или однажды погибнешь по какой-то нелепой случайности. Например, взорвется в руках очередная бомба... — Он переставлял фарфоровые безделушки сосредоточенно, словно само это занятие имело некий недоступный пониманию Брокка смысл. — Вчера ты взял в руки заряд, даже не подумав о том, что это прикосновение способно нарушить запирающий контур. Ты же понятия не имел, кто этот контур создал. Верно?

— Я...

— Ищешь приключений. Пытаешься доказать кому-то, что не трус и не столь слаб, как можно было бы ждать от калеки. И да, Брокк, ты не трус. И ты не слаб. Но когда научишься думать, головой думать, и не только в мастерской, тогда станешь по-настоящему сильным.

Король оглянулся. Левый глаз его подергивался, и по щеке сползала слеза, которую Король раздраженно смахнул рукавом.

— И да, у меня свой интерес. Мне нужен живой и адекватный мастер, а не тот, который втайне мечтает отправиться в мир иной. Ну, погибнешь ты... и что, смерть будет героической?

Уши горели. И Брокк опустил взгляд, походя отметив, что ботинки его успели запылиться.

— Нет, дорогой. Эта смерть будет идиотской и никому не нужной. Твой род прервется. Твои земли придется разделить, а людей отдать под чью-либо опеку. Твоя сестра останется одна. А мне придется искать нового оружейника. Руку дай. — Стальной Король оперся на руку. — Научись, наконец, здраво оценивать свои силы. И помощь принимать, когда в ней появляется нужда.

— Я постараюсь.

— Постарайся уж, — прозвучало насмешливо, словно Стальной Король сомневался, что Брокк сдержит это обещание. — И еще, обзаведись наследником... война и так проредила дома.

— Я...

— Слышал уже, постараясь.

Это было откровенной насмешкой, но не обижаться же на Стального Короля. И Брокк улыбнулся. Как ни странно, полегчало.

— Вот, таким ты мне больше нравишься... а девочка хорошая. Ей в этом мире не легче, чем тебе.

Его невеста, Кэри из рода Лунного Железа, была юна.

Напугана.

И весьма мила.

Вот только Брокк врагу бы не пожелал невесты из Высших.

— Думаю, — сказал Стальной Король, вызывая вязь обручальных браслетов. — Вы поладите.

Кэри разбудил шелест дождя. Открыв глаза, она несколько секунд не могла понять, где находится. А потом вспомнила все и сразу.

Чужой дом. И леди Эдганг.

Разговор.

Яд во флаконе. Стиллет, который был спрятан под подушкой.

Комната и затянувшееся ожидание. Оден из рода Красного Золота.

Его побег.

Ночь.

И вот утро, которое Кэри встретила в чужой постели. Она лежала, ждала и дождалась: в замке повернулся ключ.

— Доброе утро, — сказал Виттар, глядя куда-то в сторону.

— Доброе... — Кэри, чувствуя, как заливается краской, поспешно натянула одеяло до самого подбородка.

— Леди... к моему величайшему огорчению, — огорченным Виттар из дома Красного Золота не выглядел, — я вынужден сообщить вам неприятные новости.

Сердце ухнуло в пятки. Или в желудок, который совершенно неприличным образом заурчал, но хозяин дома сделал вид, что не слышит. Он перевел взгляд на окно, по-прежнему затянутое серой рябью.

— Леди Эдганг скончалась.

Кэри едва одеяло не выпустила. И только и сумела, что кивнуть.

Скончалась?

Приняла все же яд? Или...

— У леди оказалось слабое сердце. Не выдержало волнений. — Виттар поклонился, а Кэри ответила рассеянным кивком. Не очень-то вежливо, если разобраться, но она совсем растерялась. Сердце? Леди Эдганг жаловалась на суставы, на желудок, не привыкший к грубой пище, на печень, на погоду, неуклюжесть Кэри, ее голос, дурные манеры, медлительность, глупость, уродливость, с которой приходится мириться, на все, но только не на сердце.

Виттар молча ждал вопросов, но Кэри прикусила губу: возможно, сейчас как раз тот момент, когда следует промолчать. И поверить.

А еще сдержать вздох облегчения.

— Я пришлю вам горничную, которая поможет одеться.

— С-спасибо.

А дальше что?

Ее прогонят? Или вернут во дворец, где Кэри предстоит встреча с королевой, которая будет огорчена подобным поворотом дела? Или велят отправляться в поместье... куда-то еще?

— Леди, — Виттар не спешил ее оставить, хотя по-прежнему старательно избегал смотреть на Кэри, — мне очень жаль.

Но пояснять, чем вызвана его жалость, он не стал.

Ушел.

И горничная, которая появилась тотчас, суетливая, нервозная, тоже не произнесла ни

слова. Она помогла умыться и подала платье, темно-синее, строгого покроя, которое, пожалуй, могло бы сойти за траурное.

...Траур по Сверру носить запретили. Да и по леди Эдганг вряд ли позволят. Род Лунного Железа не заслуживал слез.

Утренний ритуал шел своим чередом.

Нижняя рубашка. Чулки. Корсет, чехол... дышать становится тяжело, но Кэри терпит. Тяжесть турнюра. Мягкая шерсть чужого наряда — подарки королевы явно перешивались наспех, и платье оказалось великовато в талии. Два ряда аметистовых пуговиц, с которыми тонкие пальчики горничной управляются играючи. Белое кружево воротничка — его закрепляют на крючках. И девушка долго возится, выравнивая складки, морщится, пытается уложить их, скрывая мелкие недостатки наряда. Закалывает булавками.

Подает манжеты в тон.

— Вам очень идет, леди, — это единственные слова, которые позволяет себе девушка. Она тоже опасается встречаться с Кэри взглядом.

Осуждает?

Слез все равно нет.

Когда рассказали про Сверра, Кэри плакала, и все решили, что плачет она от горя. А сейчас...

...Под лестницей много пыли, и Кэри знает, что ей никак нельзя находиться здесь. Ей вообще не стоит покидать своей комнаты, но там скучно. В деревне, где Кэри жила раньше, никто и никогда ее не запирали и не запрещал ходить, где только вздумается.

Там было хорошо, и Кэри хотела бы вернуться. Но отец сказал, что она слишком взрослая уже и ей надо учиться быть леди. Кэри не очень понимает, как это, но она постарается, не для себя — для отца.

Она уже знает, что леди носят колючие чулки, даже если не хочется, и не пытаются заворачивать кошку в подол платья. И поэтому руки у них чистые, без царапин.

Леди быть скучно.

И Кэри вновь сбегает. Она видела кошку в саду, под кустом, и воробьев, которые слетались, облепляя ветки старого шиповника. Воробьев ловить куда сложнее, а вот кошка... Кэри вчера спрятала кусок вареной грудинки. Он немного запылел, но в целом был неплох, и Кэри сунула его в рукав. На ткани расплылось жирное пятно... ничего, Кэри попробует его оттереть. Потом, после того как кошка окажется в руках Кэри. Она же не пытается сделать кошке плохо, просто хочет подружиться, а то в этом огромном доме совершенно не с кем дружить! Нянька и та исчезла, впрочем, поэтому у Кэри и получилось выйти.

В доме суета.

И Кэри выглядывает в коридор.

А потом и на лестницу выбирается.

Лестница старая, скрипучая, но Кэри уже знает, какие ступеньки не стоит тревожить. Она крадется, сама с собой играя в прятки, и, достигнув подножия, которое стерегут резные статуи, Кэри замирает.

Сколько всего! Холл заполнили сундуки и сундучки, шляпные коробки, кожаные чемоданы с золоченой отделкой. И массивные короба. Чехлы с платьями...

— Руды первозданной ради! — Раздраженный женский голос заставляет убрать руку — Кэри собиралась потрогать кринолин. — Сколько можно возиться?

— Эдганг, никто не виноват, что ты столько всего с собой возишь.

Отец. Он будет недоволен, увидев Кэри здесь. Отец не раз повторял, что она должна быть послушной девочкой. И Кэри пятится, пятится, пока не добирается до лестницы. А потом оказывается и под лестницей.

— Ты бы предпочел, чтобы я путешествовала голой?

Женщина сердита.

— Я бы предпочел, чтобы ты не путешествовала вовсе.

— О да, конечно...

Шорох юбок. Они касаются паркета и раскачиваются, словно колокол.

— Я буду сидеть в поместье, не мешая тебе развлекаться...

— Эдганг...

— Где она?

— Прекрати. Это всего-навсего...

— Прекратить?! — Ее голос почти рвется, и Кэри приседает на корточки и зажимает уши ладошками. А кусок грудинки выпадает из рукава на подол, оставляя пятно. — Еще скажи, что я не права.

— Ты права, дорогая, но...

— О, я терпела твоих любовниц, которых ты не давал себе труда скрывать. — Женщина останавливается напротив убежища Кэри. И Кэри разглядывает бабочек, вышитых на подоле ее платья. Ткань темно-зеленая, как срез зрелого малахита, а бабочки черные. — Ты приводил их сюда! В мой дом!

Отец вздыхает:

— Эдганг, не при слугах...

— Да неужели? Ты вдруг стал стесняться слуг?

— Пойдут слухи...

— О тебе уже ходят! О том, что ты потерял остатки совести. — От женщины пахнет духами, и этот пряноватый запах завораживает Кэри. Запах и бабочки. Почти живые, почти настоящие. И преодолев страх, Кэри протягивает руку, касается подола липкими пальцами. Бабочка не улетает. Она скользкая, а ткань — мягкая. — И если любовниц я терпела, то твоего ублюдка... о чем ты думал, забрав ее?

Отец молчит. И женщина тоже. Тишина становится невыносимой, и Кэри очень-очень осторожно убирает руку. На бабочке остается клочок пыли. Откуда только взялся?

— Ну? И где она?

— Эдганг...

— Где, я спрашиваю? Или ты собираешься ее прятать?

Сапоги отца покрыты грязью. Они скрипят, и каждый шаг приближает их к Кэри. А она раздумывает над серьезным вопросом: следует ли снять пылинку с юбки дамы или же не рисковать? Леди сердита. Вдруг еще сильнее рассердится?

— Не собираюсь, — теперь он говорит жестко. — Девочка будет жить со мной.

— С тобой? Нет, дорогой. Она будет жить в моем доме! И носить имя моего рода, на которое ты и прав-то не имеешь... мой отец...

— Слишком много тебе позволял. Вырастил эгоистичную стерву, которая...

— Которая что?

Кэри все-таки решилась и очень быстро протянула руку, схватив серый клоч.

— И на женщину не похожа...

Молчание.

— Эдганг, — теперь он говорит мягче, — если бы ты стала немного... добрей, мне бы не понадобились любовницы. Я ведь любил тебя...

— Или мое имя и положение?

Она не уступит. И Кэри, затаившись в убежище, ждет. Ей жаль бедных бабочек, которые не могут улететь от злой женщины. А ссора все длится и длится. Они то срываются на крик, то на шепот. Потом все уходит, и, выбравшись из тайника, Кэри бежит к себе. Она торопится, но не успевает, сталкивается у порога с леди, которая столь высока, что, для того чтобы рассмотреть ее лицо, Кэри приходится задирать голову. И все равно лицо это скрыто короткой темной вуалью.

А на шляпке перо. Как куриное, но ярко-красного цвета.

Откуда леди его взяла?

— Эдганг... — отец стоит рядом с женщиной и, в попытке примирения, протягивает руку, — это просто-напросто ребенок!

— Твой незаконнорожденный ребенок, — она шипит и бьет по его руке, — который позорит и меня, и весь род.

Кэри прижимается к стене и, запрокинув голову, смотрит на перо. Только на перо. Пожалуй, никогда прежде ей не было настолько страшно.

И когда узкие шелковые пальцы хватают ее, она кричит.

— Эдганг, что ты делаешь...

Больно. Пальцы впиваются в щеки, и рот Кэри сам собой открывается. Изо рта течет слюна, а крик захлебывается.

— Отвратительно. — Леди выпускает Кэри и вытирает пальцы платком, тоже темно-зеленым, наверняка с бабочками. — Я не хочу ее больше видеть.

— И не увидишь. Обещаю.

Отец легко давал обещания, вот только редко исполнял их.

— А ты подумал о нашем мальчике? — Голос леди становится иным, мягким, укоряющим. — Что станет со Сверром, когда он узнает об этой... этом существе.

Кэри позволяют скрыться в комнате, и она, забравшись под кровать, сидит, прижимает кулачки к груди. В комнате пусто и непривычно тихо. А нянька Кэри, которая до этого дня находилась при ней безотлучно, исчезла. Она появляется лишь под вечер, уставшая и тоже раздраженная.

— Вылезай, — говорит она и ставит на столик поднос.

Кэри голодна, но и голод не помогает ей перебороть страх. И няньке приходится опуститься на корточки.

— Вылезай, кому говорю. — Лицо женщины красно, и волосы выбиваются из-под чепца. От нее пахнет вишней и чем-то кисловатым, неприятным. Глаза ее блестят. — Вот же горе мое...

Она хватается Кэри за руку и тянет, а Кэри сопротивляется, сама не понимая зачем. И нянька злится пуше прежнего.

— Смотри, — грозит она, — оставлю тут и дверь запру. Помрешь тогда с голоду.

— Нет.

— Да. — Нянька вытаскивает Кэри и встряхивает так, что голова запрокидывается. — И никто о тебе не вспомнит... нужна ты тут кому-то.

Эта женщина, которой случилось попасть под горячую руку леди Эдганг, а после

успокаивать расшатанные нервы вишневым ликером, украденным с кухни, — позже она перешла с ликера на куда более крепкие напитки, — оказалась права: Кэри никому не была нужна.

Кроме Сверра.

— Вы чудесно выглядите, — повторила горничная, отводя взгляд.

Чудесно?

Обыкновенно. Лицо как лицо. Кэри говорили, что она похожа на отца, те же крупные, тяжеловесные черты. Вот только резко очерченные губы и подбородок с ямочкой от матери достались.

И глаза желтые, яркие.

Леди Эдганг они раздражали.

Леди Эдганг больше нет. Никого нет.

И Кэри свободна. Почти.

— Леди, — горничная подала накидку из рыжего лисьего меха, — вас ждут.

Странно так.

Вчера леди Эдганг еще была, а сегодня уже нет. И, наверное, надо похоронами заняться, но... Кэри не представляет, что следует делать. Известить родственников?

У леди Эдганг никого не осталось.

Друзей?

И подруг не было, возможно, раньше, когда старый дом на Бирюзовой улице был жив... но сколько уж лет леди Эдганг заперлась в своем одиночестве?

Сочинить некролог для «Светской хроники»?

Кэри не умеет... и в некрологе положено писать хорошее, но Кэри не представляет, что хорошего можно сказать о леди Эдганг. Да и позволят ли ей?

...Род Лунного Железа не стоит слез.

— Прошу вас, леди. — Виттар подал руку. — И не следует волноваться. Вас никто не обидит.

— Благодарю. — Смотреть ему в лицо Кэри стеснялась и разглядывала его сквозь ресницы, сравнивая с Оденом. Виттар был ниже ростом и изящней, но в целом похожи...

...Сверру нравилось искать общие черты, он садился перед зеркалом и усаживал Кэри рядом. Он касался то отражения, то ее лица, то собственного, словно нить незримую проводил...

Кэри заставила себя поднять подбородок и расправить плечи. О прошлом следовало забыть.

Обо всем прошлом.

И рядом с Виттаром задача не выглядела столь уж сложной. Вернулось то, вчерашнее, ощущение спокойствия. Смешно.

— Полагаю, вы с леди Эдганг были не очень близки? — Он вел ее, и Кэри осмелела настолько, что разглядывала чужой дом почти открыто.

Газовые рожки сияли ярко, и отблески их ложились на дубовые шпалеры.

— Она... была... — Кэри не знала, что ответить. — Строга.

— Была, — сказал Виттар, останавливаясь перед массивной дверью. — Была, и больше ее нет. Бояться нечего.

Он прав.

Больше не будет игр в прятки.

И прочих, куда как более опасных, тоже.

— Девочка, — он коснулся волос Кэри, высвобождая из прически локоны, — если тебе вдруг понадобится помощь, то обращайся.

— Благодарю вас.

— Не благодари. Просто обращайся.

А потом ее выдали замуж.

Все произошло так быстро, что Кэри и испугаться не успела.

От нее потребовалось согласие — Кэри предполагала, что обойдутся и без него, и даже если она решится возражать, ее попросту не услышат — и рука, которую Стальной Король вложил в руку мужа.

— Так-то лучше, — с удовлетворением в голосе произнес он. И на коже проступили пятна живого железа, которые растеклись, сливаясь в широкие полосы обручальных браслетов. — Поздравляю, — сказал Стальной Король.

Кэри почудилась в голосе его насмешка.

Наверное, и вправду почудилось. Не мог же он в самом деле смеяться над нею? Или над ее мужем... его зовут Брокк.

Счастливым он не выглядел, и в чем-то Кэри его понимала.

Свадьба...

Нет, она представляла себе свою свадьбу иначе...

Платье изысканное, традиционное алое или вызывающее пурпурное, кружевом отделанное. И вышивка, конечно, ткань — тафта или бархат, но не фабричного производства, фабричная слишком тяжела. Рисунок — व्युнок по подолу, и на листьях его капельки алмазной росы. Конечно, такое платье стоило бы безумных денег, но ведь в мечтах можно себе позволить излишества.

Кэри была бы красива.

И чтобы фата каскадом... перчатки кружевные. Шляпка крохотная, таблеткой, но с вуалью. Вуаль с фатой не вяжется, но Кэри придумала бы, как лучше.

А тут...

Она вздохнула, надеясь, что никто не расслышит этого вздоха. И не платья жаль, все равно ведь сшили бы что-то другое, попроще и подешевле, а мечты. В ней жили подружки невесты, и гости, и беседка, увитая цветочными лентами, и алая дорожка, по которой Кэри провел бы отец. И он улыбался бы, глядя на нее. А будущий муж смотрел бы с восторгом... ну или хотя бы без раздражения.

Она ему не нравится.

И Кэри, прикусив губу, решила, что он ей тоже несимпатичен. Совершенно... правда, рассмотреть его толком не выходит.

Высокий.

И волосы светлые, с легкой рыжиной. А смотрит куда-то поверх ее головы. И губы так зло кривятся...

— Прошу вас, леди. — Он подал руку, не принять которую было невозможно. Только рука почему-то была в перчатке, и, когда Кэри коснулась ее, муж вздрогнул. На мгновение показалось, что он руку уберет, совершенно по-детски спрятав за спину, но нет...

— Сколько вам лет? — поинтересовался Брокк.

— Почти шестнадцать.

Он явно хотел что-то сказать, но сдержался.

Шестнадцать?

Да ей по виду и четырнадцати нет. Сущий ребенок.

Высокая. Стройная. Изящная.

Красива, конечно.

Нет некрасивых Высших, и в этой чувствуется порода, несмотря на нечистую кровь. Лицо пока по-детски пухло, особенно щечки, на которых то вспыхивает румянец, то гаснет. Ей страшно и в то же время любопытно. На него посматривает сквозь ресницы, изо всех сил пытаясь этот свой интерес скрыть.

Кэри из рода Лунного Железа.

Вот и что с ней делать-то?

— Не следует меня бояться, леди, — сказал Брокк, мысленно проклиная и Стального Короля с его идеями, и Одена, который сбежал от высокой чести, предоставив остальным расхлебывать последствия.

И зачем ему жена?

Тем более такая.

Какая?

Пахнущая свежей травой и железной окалиной. С узкой ладошкой, которая дрожит в его руке. С пальцами, что то гладят, то сжимаются, словно она боится эту руку отпустить.

Потеряться.

С высокой, слишком взрослой для нее прической. С платьем нелепого темно-синего цвета, который ей не идет, подчеркивает бледность, какую-то болезненную прозрачность кожи. С белой тонкой шеей... и острыми детскими ключицами. С воротничком, который выглядит колючим, неудобным... со всей этой обманчивой хрупкостью и наивным взглядом. В нем читается страх пополам с обидой.

— Я, — она все же рискнула посмотреть в глаза и шмыгнула носом, — я вас не боюсь.

— И чудесно, — подал голос Стальной Король. — В таком случае позволю себе оставить вас. Брокк, надеюсь, ты помнишь, о чем мы говорили. И дашь себе труд подумать над моими словами.

Будто у него есть иной выбор.

Брокк чувствовал, что едва сдерживает гнев. Не на эту девочку, за которой, по-хорошему, нет вины. И не на Короля — на него сердиться бессмысленно. И точно не на Виттара, наблюдавшего за представлением, которое, кажется, изрядно его веселило. На себя. За слабость. За беспомощность. Зависимость.

И за то, что этот брак изначально обречен быть несчастливым.

Память услужливо подобрала десяток причин.

...Зимний парк. И стекла далекой оранжереи с морозной росписью. Черный бархат ночи. Россыпь звезд, каких-то неестественно ярких, крупных, словно искусственных. Скамья. Газовый фонарь. В пятне его света снег искрится, и Брокк, считая искры, ждет... снова ждет.

У нее в привычке не обращать внимания на время. И надо бы уйти, он уже начал замерзать, но упрямство заставляет оставаться на месте.

...Лэрдис появится. В конце концов, она всегда появляется.

Минуты летят.

Парк пуст. Вновь пробуждается привычный зыбкий страх, что сегодня она все-таки не

придет. Забыла. Не сочла нужным. И рука тянется к карману, в котором лежит ее записка. От бумаги исходит тонкий аромат лаванды. И Брокк готов вдыхать его, согреваясь надеждой.

— Прости, милый. — Лэрдис прекрасна, как сама зима, и ей к лицу наряд из темно-синего бархата, рыжим мехом отороченного...

...Кэри надела похожий, но и в нем выглядела ребенком, пожалуй, более ребенком, чем на самом деле являлась.

На плечах Лэрдис белым снегом лежит шубка. Щеки слегка разругались, а глаза сияют. Она дарит поцелуй, которого Брокк почти не ощущает, до того холодны ее губы.

— Я немного занята была. Надеюсь, ты не сердишься? — Она касается его щеки и вздыхает: — Мой мальчик совсем замерз.

Брокка злит, что она называет его мальчиком, но льстит, что считает своим.

— Мой, конечно, мой. — Она гладит обледеневшую щеку. — Я его никому не отдам.

И снова аромат лаванды. Ей он нравился, и сами невзрачные эти цветы... если, конечно, она не лгала. А лгала она с удивительной легкостью, но тогда Брокку хотелось верить.

— Пойдем. — Она берет его за руку и сжимает, сквозь кожу перчатки ощущая железо, морщится слегка, но Брокк заставляет себя не замечать этого неудовольствия. — Я знаю, как тебя согреть... и прости, пожалуйста, обещаю, что больше не буду так делать.

Будет.

Не раз и не два. И ожидание — часть игры. Она проверяет Брокка, а он, глупец, слишком счастлив, чтобы позволить себе увидеть правду. И позволяет играть с собой.

Месяц. И два... и полгода почти сказки...

А потом было больно. И Брокк не желает вновь испытывать эту боль.

Лежа на узкой кровати, Таннис слушала, как мамаша костерит отца: опять набрался и, скотина этакая, пропил почти весь недельный заработок. Отец отвечает, но вяло, ему хочется спать и чтобы мать наконец умолкла...

Таннис знала, что деньги у мамашы имелись. Она прятала их в чулок, а чулок — под соломенный матрац. Порой мамашу начинали одолевать страхи — ворья в Нижнем городе много, — и тогда она принималась чулок перетряхивать, пересчитывать отсыревшие ассигнации и искать новое надежное место. Сбережения отправлялись в древний, на свалке добытый шкаф, под ворох тряпья, затем — в старый ларь, почти пустой, в драные зимние сапоги и в конце концов возвращались под матрац. Денег было немного, и понять, зачем их мамаша копит, Таннис не удавалось.

Вот у нее есть цель.

И этой цели Таннис добьется, не будь она собой.

Поерзав — кровать была узкой, неудобной, а матрац давно следовало поменять или хотя бы проветрить, Таннис перевернулась на живот и закрыла глаза. Она представила себе будущую квартиру, небольшую, но чистенькую.

Без крыс, мышей и тараканов.

И с окнами большими, чтобы много света проникало.

С комнатами настоящими, а не с закутками, отгороженными ширмой — за нее выступает замызганная драная простынь. И в гостиной Таннис поставит кресло на гнутых полозьях. Место ему отведет напротив камина, который будет разжигать по вечерам. А для каминной полки Таннис кошечек фарфоровых купит. И сама, сидя в кресле с вышивкой — вышивать Таннис не умеет, но ради такого дела научится, — будет раскачиваться, любоваться огнем и слушать тишину...

— И ты разлеглася, корова. — Мамаше надоело ссориться с отцом, и она легко сдвинула ширму, каковую вовсе полагала блажью и роскошеством. Чего Таннис от своих прятаться? — Валяешься! — Мамаша хлестанула наотмашь засаленным полотенцем.

— Прекрати, — буркнула Таннис, приоткрыв глаз.

— Что? Небось не думала, что узнаю?

Сердце ухнуло. Неужели мамаша лишнее прознала? Вечно она то в вещи нос свой сунет, то в матраце шебуршится, то под кровать лезет, пол простукивает, словно опасаясь, что Таннис утаит те скудные гроши, которые платили на заводе. Вдруг да нашла чего...

Чего?

Листовок в дом Таннис не таскала, а деньги, зная эту мамашину привычку, хранила не дома. А о *том* месте знали немногие, и этих немногих давным-давно в живых нет.

— Мало тебе было! — Мамаша перехватила полотенце левой рукой и вновь хлестанула, попав по плечам. Удар не был сильным, а обижаться Таннис давно отвыкла. — Опять с ворьем связалась? Выродила на свою голову!

— Ма, отвали. — Таннис от полотенца увернулась.

— Все знаю. — Мамаша перехватила полотенце поудобней и замахнулась, но не ударила. — Кто он?

— Кто?

— Хахаль твой!

— Какой хахаль?!

Мамаша вцепилась в волосы Таннис, дернула, не зло, скорее уж раздражение выплескивая. Она-то с характером женщина, ей проораться надобно, потом сама же жалеть возьмется, и тоже громко, искренне.

— Тот, к которому ты на свиданки бегаешь!

Вот же... оттолкнуть? Так разорется... все услышат... и ладно бы только слышали, но нет, народец любопытный в доме обретается, и с кого-нибудь станет следом пойти...

...за Таннис и так всю неделю ходят, приглядывают издали, чтобы не сбежала. Не доверяет Грент... и правильно делает.

Вот только бежать ей некуда.

Пока.

— Какой, на хрен, хахаль? — Таннис терпела, хотя с легкостью могла сбросить сухопарую ослабевшую мамашину руку. — Чего ты себе придумала?!

— Я придумала? — Пальцы мамаша разжала и вновь за полотенце взялась. Била не со злостью, но шлепки получались звонкими, громкими. — Я, значит, придумала... я ж тебя, охальницу, вырастила... ночей не спала... берегла...

Таннис закрыла голову руками. Было не больно, скорее утомительно.

— На работу устроила... и мужа приличного нашла, почитай...

А вот это интересно.

Мужа, значит... приличного, то есть при деньгах. И небось муж этот несостоявшийся, чтоб ему провалиться, мамаше приплатил или обещался приплатить за согласие.

— Или думаешь, что на тебя, красу ненаглядную, много охотников?

Таннис фыркнула. Ей, конечно, далеко до дамочек из журнала, но и нельзя сказать, чтобы от Таннис мужики шарахались, скорее уж наоборот. Ее несказанно бесили пошлые шуточки, свист вслед или, от особо наглых, шлепки по заднице, которые сопровождались диким гогом. Иные норовили пощупать не только задницу... пытались как-то и в уголке зажать, но Господь Таннис силой не обидел, да и Войтехова наука за годы не пропала. Некоторые, не мудрствуя особо, деньги совали. Этих Таннис посылала куда подальше вместе с деньгами.

Гордячка.

Не гордячка она, просто... мерзко ей становится от одной мысли, что кто-то из этих гогочущих, пропитавшихся заводскими дымами, вонью сточных канав, дешевым табаком и перегаром, коснется ее.

А тут мамаша со своей свадьбой.

Перехватив полотенце, Таннис дернула и легко вырвала его из мамашиних рук.

— С кем и о чем ты договорилась?

И мамаша, разом растеряв пыл, вздохнула, охнула, схватившись за поясницу, — давненько на нее жаловалась, но на доктора жалела денег. Мазь она делала сама из прогорклого жира и давленного лука, подмешивала в нее еще что-то столь же вонючее и, намазав спину, кутала сверху старым отцовским шарфом. Мазь от хранения застаивалась и воняла с каждым днем все горше.

— В могилу меня сгоните со своим папашей, — пробурчала мамаша, опускаясь на кровать.

А ведь она не такая и старая, и сорока нет. Но лицо потемневшее, огрубевшее, морщинами расписано. Под глазами мешки. Губы узкие, сжатые, и кожа на шее обвисла. В

волосах седины изрядно, и волосы эти мамаша расчесывает день через два, оттого сбиваются они колтунами.

Сама ссохлась. И руки кривоватыми куриными лапами торчат из широких рукавов. Пальцы-то гнутся еле-еле... а туда же, упрямится, ходит работу искать.

Только кому она нужна?

— У него хоть деньги есть?

— Есть, — сказала Таннис чистую правду: денег у Грента водилось немало.

От мамашы пахло мазью и брагой, небось тоже приложилась. Прежде-то она пила мало, разве что по праздникам, да все больше самодельную наливочку жаловала. А тут вот...

...после того, как ее с завода погнали, наливка стала роскошью.

— Если есть, то бери. — Мамашин заскорузлый палец ткнулся в бок Таннис. — Требуй, чтоб давал. И подарков не стесняйся.

Как будто Таннис сильно стеснительной уродилась. Только если она когда-нибудь и пойдет с мужчиной, то не за деньги и не за подарки.

— Ничего, девочка моя. — Мамаша по-своему расценила молчание. Она обняла Таннис, прижала к себе и ласково, как уже давно не делала, погладила по коротким волосам. — Ничего, хорошая моя... так оно всегда... у одних все, а другие...

Мамаша шмыгнула носом. И из светлых глаз ее покатались слезы. Плакала она обычно громко, навзрыд, и оттого рыдания выходили какими-то натужными, точно ненастоящими.

Не получалось ее жалеть.

— Бери, что твое, пока молода. Молодость, она быстро проходит... радуйся жизни... а если этот твой и вправду с деньгами, то пусть поможет... пусть вытащит тебя отсюда.

Таннис сама себя вытащит.

Влипла сама.

И вытащит тоже. Сбежать не получается? И ладно. Не будет она бегать. Всего-то надо — отнести коробку на склад и получить у Грента оговоренную плату. Или даже наоборот, пусть сначала заплатит. Да, так оно надежней...

Мамаша, уткнувшись в плечо Таннис, рыдала. Все-таки надо будет забрать их, не в квартиру Таннис, но просто забрать, поселить в месте попрличней, чтоб хотя бы без сырости этой и тараканов, а то мамаша их боится.

Записку принес мальчишка. Худой, в старой куртке не по размеру, в здоровенных, верно, отцовских сапогах, подвязанных веревкой, он был обыкновенен. И, пожалуй, имейся у Таннис брат, он выглядел бы точно так же.

— Тебе. — Посыльному на вид лет десять было. Но он окинул Таннис цепким взглядом и причмокнул, хлопнул ладонью по заднице. — Пойдем, сестренка, погуляем?

Говорил он хриплым голосом и сигаретку из кармана достал, пытаясь казаться старше. А может, и не пытался, может, он давно уже вышел из детского возраста — дети здесь выросли быстро, некоторые и вовсе старились, едва покинув колыбель.

— Отвали, — буркнула Таннис, сбрасывая руку.

— Коза.

— Сам козел.

Она привыкла и к таким вот мальчишкам, от которых очень скоро начинало пахнуть и табаком, и дешевой брагой, и к редкому, но назойливому вниманию, и к грязи вокруг.

А в записке пара слов: «Не забыла о встрече?»

Таннис прочитала и, разорвав на мелкие клочки, сунула в карман. С мамаша будет клочки собрать, вон она, стала у дверей, смотрит, хмурится, но притворно. А в глазах — любопытство. Знать ей охота, кто ж такой Таннис записку прислал. Таннис же другое интересно: с чего это вдруг Грент напоминать взялся? Прежде-то он не раз и не два говаривал, что нужно соблюдать осторожность. А тут...

...или негласного пригляду недостаточно?

— Чё сказать? — Посыльный ждал, облокотившись о косяк. И сигаретка, прилипшая к нижней его губе, подрагивала.

— Скажи, что поняла.

Придет она, куда денется.

— Ма, я погулять...

— Знаю я твои гули! — тотчас вспылила мамаша. — Гляди, брюхо нагуляешь, домой не возвращайся!

У нее мысли об одном, оно и к лучшему: узнай мамаша, во что Таннис на самом деле связалась, вой бы подняла, легла б поперек порога, а ее из квартиры не выпустила. Сейчас же только смотрела, как Таннис собирается. Исчезла и появилась, сунула сверток, перевязанный бечевкой.

— На от, на плечи накинь.

В свертке обнаружился платок, полупрозрачный, бордовыми розами расписанный.

— Откуда?

— Да... купила как-то, по случаю. — Мамаша вдруг зарделась и отвернулась. Купила? Подарили ей... кто? Какая разница. Отец давно уже забыл о том, что она — женщина. И если нашелся кто-то, готовый мамашу порадовать пусть бы и нехитрым подарком, то и ладно. Не Таннис ей морали читать.

— Спасибо, но...

— Надевай. — Мамаша сама накинула платок поверх серого свитера и хвосты каким-то хитрым узлом подвязала. Поднявшись на цыпочки, сунула руки в волосы, взрыхлила, чтоб пышней казались. Щеки пощипала и, отступив, окинув Таннис придирчивым взглядом, вздохнула: — Иди уж, гулена...

— Я люблю тебя, ма. — Таннис сама не знала, зачем сказала это.

И мамаша вдруг шмыгнула носом, а на глаза слезы навернулись. Не желая их видеть, Таннис выскочила из комнаты. Она бежала вниз по лестнице, перепрыгивая ступеньку через две. Сталкивалась с кем-то, и вслед неслась ругань. Воняло луковой шелухой, очистками, и серая толстая крыса, копавшаяся в мусорной куче — а мусор выбрасывали прямо из окон, — шмыгнула из-под ног. Но стоило Таннис отойти, и крыса вернулась.

Их много при доме.

Таннис обернулась. Тот возвышался мрачной громадиной. Старый, сложенный из красного кирпича, как и многие дома в этом городе, за долгие годы жизни он потерял и цвет, и вид, сроднившись с иными такими же грязными, неухоженными строениями. Они стояли тесно, заглядывая друг другу в окна. И тонкие шнуры бельевых веревок тянулись от стены к стене, словно поодиночке дома боялись не устоять под порывами осеннего ветра. Белье на веревках колыхалось не то парусами, не то стягами.

Даже оно не было белым.

В Нижнем городе цвета странным образом терялись.

И снова дождь зарядил. Таннис закуталась в старую отцовскую кожанку, подняла

воротник. Идти было недалеко. Через дома, подворотни, где дождевая вода наполняла мусорные кучи, в глубине которых зарождались ручьи с гнилой водой. Они текли по разбитым дорогам, скапливались в выбоинах и яминах, слизывали глину, которую несли к реке. И берега покрывались грязной ноздреватой пеной.

Вот и пустырь. Некогда здесь стоял лабаз, но сгорел, давно, еще до рождения Таннис, и клочок земли остался незастроенным. Говорят, за него судились, делили, но не могли поделить, а потому он тихо зарастал ивняком и мусором. Ходить по пустырю Таннис не любила, по узкой тропе едва ли не бежала и выдохнула с облегчением, завидев реку и черные горбы домишек.

Грент уже был на месте.

— Опаздываешь. — Он достал брегет и постучал ногтем по стеклу. — Пять минут, Таннис, это много... порой целая жизнь.

Она лишь фыркнула и, скинув куртку, встряхнула.

— Аккуратней, леди. — Капли попали на дорогое кашемировое пальто Грента. Сегодня он решил не притворяться своим. Надоело? Или понял, что не получается?

С Грентом Таннис познакомил Томас, та еще сволочь. Сначала разговор завел, что получает Таннис гроши, а ей, молодой, верно, погулять охота. Таннис решила было, что он вновь о своем, но Томас предложил нехитрую работенку. Платили за нее прилично, и, главное, риска никакого. Что, не сумеет Таннис стопку листовок на завод пронести? Раскидать по цеху? А поймают, так... не запрещено ведь.

Она сама правила перечитала, убеждаясь, что и вправду не запрещено.

И деньги Томас вперед давал... раз, другой, а на третий привел сюда, отрекомендовав как человека надежного, исполнительного. Поверили.

Приняли.

И Грент долго трепался о целях Лиги Справедливости. О несправедливости. О власти. О войне. Кто ж знал, до чего доведут эти разговоры?

— Ну что, не передумала? — Он подошел близко, слишком уж близко, и руки на плечи положил.

— Нет.

Передумать ей не позволят. Таннис смотрела в глаза с вызовом. И Грент вызов принял.

— Хорошо. — Пальцы его коснулись щеки. — Ты сообразительная девочка, Таннис.

Сообразительная. Настолько сообразительная, что после сегодняшнего дела постарается исчезнуть и позабыть обо всем, что видела в неприметном домике на берегу реки. И Грента из головы выбросит с его брегетом, пиджаками и манерой смотреть сверху вниз.

Откуда он такой взялся?

И на кого работает?

Он может врать, что сам по себе, но Таннис, пусть и не сильно ученая, понимает: человек не справится с истинным пламенем, и те сосуды из хрупкого стекла, которые Грент с собой приносил, ему давали. Кто?

И зачем?

— Ты все сделаешь правильно? — Он запустил руку ей в волосы, потянул за пряди, легонько, игриво.

— Слушай, что ты...

— Ничего.

Узел на платке развязался. И сам платок соскользнул с плеч. Грент позволил ему упасть

и попросту переступил через рисованные розы на черной ткани.

— Отпусти.

Таннис попыталась оттолкнуть Грента, но он только рассмеялся. И рубашку ее вытащил из штанов, потянулся было к поясу.

— Отпусти! — Таннис шлепнула его по руке.

— Не ломайся, дурочка.

Вот скотина!

— Я же тебе заплатил... и немало.

Заплатить он ей только обещался, и совсем за другую работу. Если ему по этому делу кто нужен, то Таннис адресочек подскажет.

— Если не отпустишь...

— То что? — Он наклонился и провел языком по шее. Мерзость какая! Как будто таракан пробежал. Таннис отвесила пинка. А ботинки на ней хорошие, с твердыми носами, на которых железные пластины закреплены.

— Идиотка! Что творишь?! — Грент отпрянул, схватившись обеими руками за голень. Таннис же поспешно вытерла шею и сунула руку в карман. Шило с собой она носила всегда, хорошее, еще Войтехом подаренное. И подарок этот, случилось, был весьма кстати.

В Нижнем городе иначе никак.

— Не подходи! — Таннис прижалась спиной к стене и шило выставила.

— Послушай! — Грент тер колено и кривился, не то от боли, не то от понимания, что черные брюки его испорчены. Ботинки Таннис успели изгваздаться в местной грязи, а она — Таннис знала это по опыту — отстирывалась крайне погано. — Чего ты ломаешься? Можно подумать...

Он не договорил, рванулся, пытаясь схватить ее за руку, но Таннис оказалась быстрее. Отскочив, она полоснула шилом наугад, и Грент взвизгнул. Он отпрыгнул, зажимая левую руку правой, а сквозь пальцы просачивалась кровь.

— Ах ты... — На мгновение Таннис показалось, что сейчас ее убьют.

Грент ведь может. По выражению лица видно, что может. И с трудом сдерживается.

— Идиотка. — Он вытащил из кармана платок и прижал к разодранной ладони.

— Что делать, если ты слов не понимаешь. — Таннис на всякий случай отступила к двери. Правда, Грент в один шаг встал перед ней, и значит, отпускать ее не собирается.

— Не дергайся, не трону, — он осклабился, — убери свою...

Таннис покачала головой: может, и идиотка, но не настолько, чтобы без оружия остаться.

— Послушай меня. — Тон Грента стал ласковым. Кое-как перетянув ладонь платком, он сунул раненую руку в карман. — Я ж тебе шею могу двумя пальцами свернуть. Поверь.

Таннис поверила, но шило не убрала.

— И не спорю, что желания нет. Есть. Преогромнейшее. Но, видишь ли, — он приближался осторожно, оттесняя Таннис от выхода, — дело превыше всего. Я об этом помню. Поэтому давай забудем о нашем недавнем инциденте?

Грент остановился и повернулся к Таннис спиной, словно разом утратив интерес к ней.

— Не бойся, — бросил. — Не трону. Кто ж знал, что ты у нас... столь принципиальная?

Он подошел к непривычно пустому столу. Исчезли карты, гранки, свертки бумаги, коробки с железной мелочью, набор перьев и чернильница. Таннис огляделась, с удивлением отмечая, что и сама хижина переменилась. Куда подевался копир, который дремал в углу? И

пачки с бумагой? Печатный шар? Короба с крупными деталями?

— Нельзя долго задерживаться на одном месте, — сказал Грент, заметив этот ее интерес. — Дело становится... горячим.

А после сегодняшней ночи оно и вовсе опасным будет.

— И куда?

— Пока не решил.

Врет ведь. Определенно врёт — Войтех говаривал, что у Таннис на вранье нюх.

Но какой резон Гренту правду скрывать?

Не доверяет?

— Не волнуйся, милая. — Он оперся рукой на стол, раненая по-прежнему скрывалась в кармане. — Я найду способ поставить тебя в известность о новом адресе. А пока...

Коробка была небольшой. Таннис отметила вощеную бумагу, перетянутую бечевкой, и сургучную печать с рисунком, рассмотреть который не получалось.

— Сначала деньги. — Трогать коробку было страшновато.

— Конечно. — Грент извлек портмоне и, вытащив стопку ассигнаций, бросил на стол. — Здесь даже больше, чем договаривались. Пересчитывать будешь?

Таннис пересчитала. Сугубо из принципа и желания оттянуть момент, когда ей все-таки придется коснуться коробки со спрятанным в ней зарядом.

И шаль подняла для того же.

Долго пристраивала на плечи, выравнивала, вывязывала узел под насмешливым взглядом Грента. Так и не сумев завязать, скомкала и в карман сунула.

— Не бойся. — Грент улыбался широко, и только глаза его оставались мертвы. — Все у нас получится.

Эти слова Таннис повторяла себе заклинанием.

Вечер. Сумерки.

И дождь.

Серое все, мутное, словно она, Таннис, смотрит на мир сквозь толстую линзу, из тех, которые продают аптекари для слабовидящих. И в этой дождевой линзе все кривится, меняется. Деревья становятся выше и тоньше, дома — дальше, а башни заводских труб и вовсе выгибаются причудливым образом. Капли дождя скатываются по кожанке, по волосам, прямо за шиворот, и толстый ворот отцовского свитера набирается влагой. Сохнуть будет долго, дня два, а то и три... и в чем ходить?

Мамина шаль комом лежала в кармане.

Дерьмовым получилось свидание, но душу грела толстая пачка ассигнаций, которую Таннис сунула в ботинок — все равно они слишком большие для ее ноги, зато удобно, деньги точно не вывалятся, и не своруют их. Конечно, Таннис карманника загодя чувствует, благо опыт немалый, но береженого Бог бережет.

Вот только захочет ли Бог связываться с такой, как Таннис?

Однажды он уже пришел ей на помощь... а она вновь за свое.

...чужой внимательный взгляд жег спину.

Все еще провожают. И не отпустят до самых складов. Остается идти, надеясь на лучшее.

Таннис перехватила коробку поудобней. Тяжеленная, однако. Нет, Таннис не слабенюха, она с пяти лет на улице и приноровилась ко всякому, случалось ей и среди грузчиков подвизаться, и на фабрике поначалу тюки с шерстью на своем горбу таскала, но

тюки — дело другое...

С коробкой страшно. Знает Таннис, что под вощенной бумагой, тонкой фанерой, в гнезде из шерсти и соломы лежит сотворенная Патриком машинка. Одно неосторожное движение, и не станет Таннис с ее надеждами и мечтами.

Странно так думать.

Жутко.

К старым складам Таннис в потемках вышла и остановилась, окинув взглядом длинные строения, что возвышались над оградой. Сердце в груди заухало, задрожали коленки, и появилась в голове трусливая мысль — бежать. Оставить коробку вот прямо на улице и бежать.

Деньги-то получены.

Но молчаливый сопровождающий не исчез. Да и Таннис — девушка порядочная, она выполнит то, что обещала. Перехватив коробку поудобней, она решительно шагнула к ограде. Некогда высокая, надежная, та покосилась, повиснув на старых столбах. Ближе к пристаням столбы подмыло, и они упали, разрывая кольцо ограждения. Сколько Таннис себя помнила, столбы так и лежали. Весной и осенью, когда река разливалась, они полностью исчезали под водой, покрываясь толстой шубой ила и гнили. Зимой она смерзалась, а летом кормила плесень.

Фонари здесь стояли лишь у дороги, с которой Таннис благоразумно сошла.

Главное, не трястись.

В ограде имелось изрядно крысиных ходов, и Таннис нырнула в ближайший. На той стороне она остановилась, прислушиваясь к тому, что творится вокруг. Тишина. Не мертвая, скорее уж обыкновенная. Где-то вдалеке гудит баржа. Мерцают редкие огни, которые не столько разгоняют сумрак, сколько тени плодят. Длинная туша первого склада выглядит громоздкой, массивной. В темноте не видно ни разрушенной стены, ни обвалившейся крыши. Таннис здесь случалось бывать, она знает, как легко пробраться внутрь, но... Грент велел доставить подарок поближе к третьему складу.

Только сначала игрушку следовало завести.

Таннис поставила коробку на землю, поддела хитрый узел на бечевке — он развязался, а печать осталась нетронутой. Осторожно развернув бумагу, она сказала себе:

— Хватит трястись.

Не помогло. Руки предательски дрожали, а закоченевшие пальцы и вовсе не слушались. И Таннис сунула пальцы в рот, согревая дыханием. Так и стояла с минуту.

Все ж решилась.

Снять крышку. Разворошить солому. И замереть, любуясь грозным отблеском алого пламени. Оно металось в стекле, словно бабочка-огневка, просилось на волю.

— Скоро, — пообещала Таннис, отрешаясь от ледяного кома в желудке.

Мелькнула мыслишка оставить бомбу так, но...

...Грент не зря предупредил, что знает, где Таннис обретается.

Присев над коробкой, она решительно потянулась к часам, вернее к тому, что от них осталось. Тонкая кружевная стрелка скользнула по циферблату. Теперь надо завести — пружина с каждым поворотом ключа натягивалась туже. И поставить на полчаса... получаса ей хватит, чтобы добраться до склада и прочь.

Таннис выдохнула, лишь прикрыв ящик. В бумагу заворачивала спешно и бечевку кое-как завязала: сойдет в темноте. Авось, если и остановят, то приглядываться не станут. Теперь

сердце ухало, поторапливая. Оно, конечно, не часы, но чувствует, как уходит время.

Идти надо быстро.

Но не настолько быстро, чтобы привлечь внимание. Не красться. Не таиться. Она — одна из тех портовых крыс, что давно обжились на складах. Работает. Разгружает редкие суда, которые еще заглядывают в этот угол Нижнего города.

У нее дело.

Надо занести коробку на склад... поручили...

Войтех говорил, что нужно верить в то, что делаешь. И Таннис изо всех сил пыталась поверить, что в коробке с почтовым штемпелем у нее не бомба, а... сигары... или шоколад.

Шоколад ей довелось однажды попробовать. Вкусно было...

...именно, шоколад... оттого и коробка небольшая, однако ценная. И Таннис ее на склад отнести поручено. Вот она и несет, идет широким бодрым шагом, чуть сутулясь, насвистывая под нос песенку... вдоль знакомой стены и дальше, к самой реке...

...с шоколадом.

...с темным шоколадом, который продают на развес, откалывая от темной плитки кусочки. И Таннис непременно купит себе с четверть фунта. А то и сразу коробку конфет... вернется и завтра первым же делом...

У нее почти получилось поверить. А дождь усилился. Хорошо, следы смывает... конечно, пламя их выжжет, но дождь — все равно хорошо.

Вот и угол первого склада. И фонарь. Обычно погасший, ныне он горел ярко, стеклянный колпак опять же новый навесили. Таннис остановилась. Там, за кольцом света, виднелись тени складских помещений и черная туша судна. Массивное, неповоротливое, оно вытеснило обычные для старой пристани лодчонки, прижалось высоким бортом к мешкам с песком. И многие веревки привязали судно к земле.

На берегу сустились люди. Таннис смотрела на цепь охраны, вытянувшуюся вдоль пирса, и на грузчиков, матросов... до нее долетали голоса, обрывки фраз. Смех.

Люди?

Их не должно было быть. Грент обещал увести охрану, но... он не рассчитывал на то, что охраны будет так много. Да и кроме сторожей хватает люду.

Доберется ли огненный шар до корабля?

Да.

Склады стоят вплотную друг к другу. И до борта рукой подать. Огонь взметнется, оседлает узкие крыши, коснется влажной обшивки, высушит и лизнет, пробуя на вкус. Истинное пламя заставит железо рыдать, а людей превратит в прах.

Всех.

Таннис покачала головой: она не убийца. Ей нужны деньги, но... не настолько же! И Грент, должно быть, с ума сошел, если решил втянуть ее в такое.

Дура.

Могла бы сообразить, что груза ему будет мало... подумаешь, груз. Кристаллы при всей их редкости наново вырастить можно. А люди... или Гренту люди не важны? Он и на Таннис смотрел свысока, и на Патрика, и на прочих, кого использовал... именно что использовал.

Соврал.

Охрану никто не стал бы уводить.

Таннис перехватила ящик и решительно отступила в тень.

Убивать она не станет, но... что делать? Остановить часы? Таннис ничего не понимает в

бомбах. Патрик смог бы, но Патрика нет, а времени осталось немного. Унести?

Тот, кто шел за ней, вряд ли полезет на склады. А убраться можно и другой дорогой.

Но куда унести бомбу?

На пустырь? Далековато, даже если бегом бежать... а бежать опасно. В такой темени споткнуться проще простого. Упасть и расколоть хрупкий стеклянный сосуд.

Нет. Остаются склады, но не пятый, который слишком близко к берегу. Первый. Он давным-давно заброшен и пуст. Людям там делать нечего. Стоит наособицу. До третьего от него шагов двести... и пламя не докатится, не должно, во всяком случае. С другой стороны склад примыкает к ограде, но за оградой нет домов. Потому, конечно, рвануть бомба рванет, но не так, как хотелось бы Гренту.

...он разозлится.

Плевать.

Под землей не достанет, а родители... мамаша поймет, почему нужно уходить. И денег им Таннис даст довольно... и все как-нибудь, да образуется.

Таннис, развернувшись, шагнула в темноту. Она почти бежала, чувствуя, как уходят отведенные ею же самой минуты. И тиканье часов, казалось, пробивалось сквозь стенки коробки, поторапливая.

Склад. Стена. Серый кирпич, разъеденный водой и морозами. Вот и дыра, в которую протиснуться можно, но боком. И Таннис лезет, втаскивает проклятую коробку... с шоколадом... с чертовым шоколадом, который того и гляди рванет в руках.

Нет уж. Все у Таннис получится.

Сбросить бомбу.

Убраться с пристаней. Отсидеться и выйти, когда буря утихнет. Купить квартиру, и кошек фарфоровых для каминной полки... и набор для вышивания, чтобы стать как благородная дама... будет сидеть вечерами у камина, любоваться на кошек и вышивать.

Именно так!

Таннис огляделась. Глаза ее привыкли к темноте быстро, да и света сквозь проломы в крыше проникало достаточно. Сам склад этот был хорошо знаком. Переступить через старую доску с опасно торчащим гвоздем. Минуть груды щебня... и к яме. Откуда та появилась, Таннис не знала, но яма была глубокой, почти как колодец, а постоянные дожди доверху наполнили ее водой. И коробка ушла в нее с тихим всплеском.

...вдруг да вода огонь пригасит?

Вот и все... можно уходить.

Она добралась до дыры и на свою голову обернулась.

У ямы, на корточках, сидел человек в белом костюме. В руках он держал багор, которым явно намеревался в яме пошарить. И сердце Таннис упало в пятки.

Придурок.

— Стой! — крикнула она раньше, чем успела сообразить, что делает.

Он поднялся...

— Уходи. — Таннис поставила ногу на шатающийся камень. — Уходи отсюда, и быстро, пока...

— Пока что?

Пока не рвануло... сколько осталось на бронзовом циферблате? Пять минут? Десять?

А незнакомец, отбросив багор, теперь разглядывал Таннис. Нет, многого не увидит, пожалуй, даже ничего не увидит, кроме кепки, куртки и брюк... потом пусть ищет, в Нижнем

городе каждый второй так одет.

— Знаете, я был бы очень вам благодарен, если бы вы остались на месте.

Ну уж нет, нашел дуру. И Таннис нырнула в провал.

— Стой, кому сказал!

Она неслась к ограде, не разбирая дороги. И память услужливо вела по лабиринту Старых складов, к очередному лазу, который весьма вовремя предстал перед Таннис.

А преследователь не отставал. И ладно, взрывом его не достанет, а в Нижнем городе Таннис с легкостью от хвоста избавится. Ей уже случалось играть с полицейскими в прятки.

Завернуть влево, уходя от дороги в волглую, сдобренную дождем темноту пустырей. И кинуть петлю следа на мусорных кучах, вонь которых и у ищеек дух перебьет. А дальше куда? Таннис остановилась, чтобы перевести дух. Все-таки сердце колотилось что сумасшедшее. И в боку нехорошо покалывало — отвыкла Таннис так бегать.

— Леди, — неподалеку раздался мягкий вкрадчивый такой голос, который заставил Таннис выругаться, — не стоит бегать. Все равно ведь догоню.

Хрен тебе. И Таннис приняла решение. Нет, пока нельзя домой, а вот в тайник — так вполне... туда ведут такие лабиринты...

Только придется вернуться к складам. И она, мысленно посоветовав преследователю провалиться сквозь землю, побежала. Таннис неслась, уже не пытаясь скрыться среди завалов и редких перекошенных по осени деревьев. И дождь, как назло, прекратился, зато выкатилась круглая белая луна, словно желавшая помочь чужаку. Таннис чувствовала его, идущего по ее следу.

Упорный.

И отставать не собирался.

Вот и ограда... и дорога... черный зев канализационного стока должен был быть где-то рядом. Таннис остановилась, переводя дыхание и оглядываясь. Правильно, левее надо...

У нее почти получилось добраться.

— Стой! — Преследователь вынырнул из темноты и схватил Таннис за руку. А она, полоснув по запястью шилом, прыгнула в спасительную черноту. — Стой, с-сказал!

Кажется, он разозлился... и настолько, что следом полез. Таннис слышала, как громко хлюпнули сточные воды под ногами чужака.

Ну-ну, пусть попробует найти ее в лабиринте улиц подземного города. И прижав ладонь к ребрам, Таннис велела боли успокоиться. Скоро у нее получится перевести дух, надо лишь добраться до первой развилки, а там...

Он не отстал ни на первой, ни на второй.

И прошел мимо арочного зала... он гнал. Таннис бежала, думая лишь о том, чтобы спастись.

У нее почти получилось добраться до Клеркенуэльских камер, когда земля содрогнулась эхом далекого взрыва...

Кейрен из рода Мягкого Олова с детства отличался слабым здоровьем, крайним любопытством и редкостной невезучестью. Это не самое благоприятное для жизни сочетание, однако не помешало ему к двадцати пяти годам получить должность следователя по особым делам. Правда, находились такие, кто усматривал за данным, пожалуй, единственным жизненным успехом Кейрена руку сильного рода, но мнение свое они предпочитали держать при себе. А на слухи Кейрен давно научился не обращать внимания.

За годы работы он не сумел обзавестись друзьями, но и врагов не нажил, что само по себе было удивительно. Люди его сторонились, да и равные по происхождению, точно чувствуя окружающую Кейрена ауру невезучести, не стремились завязывать близкое знакомство. Пожалуй, порой его начинала одолевать хандра, мысли о бренности всего сущего и собственной ничтожности, но приступы длились недолго и заканчивались, как правило, очередным несчастным происшествием, которые случались с завидной регулярностью.

Взять хотя бы сегодняшний вечер...

...его Кейрен планировал провести в гостях у некой дамы, которая наверняка все еще ждет Кейрена.

И будет недовольна.

Нет, Амели, конечно, мила и характером обладает легким, но за испорченный вечер придется извиняться и отнюдь не словами. Кажется, она намекала на гарнитур с топазами, вычурный, но не слишком дорогой. Слава руде первородной, Амели все-таки умеет соотносить свои желания с его возможностями.

Гарнитур и розы.

И конечно, обещание, что подобное больше не повторится. Обещание сдержать не выйдет, и Кейрен понимает это, равно как и сама Амели, но условности будут соблюдены, и ему позволят переступить порог. Усадят в его любимое кресло перед камином, который к появлению Кейрена будет гореть ярко. Он вытянет руки, чувствуя, как медленно, с премерзким покалыванием, отходят пальцы. Амели подаст горячего вина и, присев на колени, будет гладить волосы, щебетать о чем-то своем, не важном.

Он же притворится, что ему интересно.

Древний, не ими заведенный ритуал, который помогает облечь скрытую жизнь в зыбкие одежды приличий. Так было всегда.

...Так было бы и сегодня.

Но вместо этого Кейрен мечется по помойке, пытаясь поймать ускользающий след. Он остановился, переводя дух. Пустота. Шелест дождя по каменным стенам, по металлическим трубам, по грудам мусора, которые уже успели зарости землей. И на вершинах их пробивалась трава, серая, грязная, как все в этом месте. Кому только в голову пришло разгружаться здесь?

И начальство, получив приказ бессмысленный, но обязательный к исполнению, не нашло ничего лучше, как перепоручить охрану Кейрену.

Он ведь не гвардеец!

Да и гвардии на склады нагнали...

...и чувствуя, как бездарно уходит время, Кейрен не усидел на месте. Какого его понесло к разрушенному складу? И почему он сразу не остановил престранного посыльного,

который, вместо того чтобы посылку доставить, утопил ее?

Любопытство.

И невезение, которое вкупе со слабым здоровьем наверняка обернется насморком, неопасным, но раздражающим.

Матушка расстроится.

Кейрен потряс головой и рукой по шее мазнул. Любимый плащ остался на разрушенном складе. Пиджак промок, и рубашка к спине прилипла, отчего мышцы начало сводить мелкой судорогой. Туфли изгваздались в грязи так, что вряд ли получится отчистить. Брюки и вовсе придется выбросить. И злость на начальство, которому взбрело по-родственному поиздеваться над Кейреном, на собственную невезучесть, на странного парня подстегнула. Кейрен, оглядевшись — темно, сыро, пусто, так он никого не найдет, — решил. Он сделал глубокий вдох и, задержав дыхание, вытащил из носа заглушки.

Выдох. И вдох. Медленный, осторожный. И рвоту сдержать.

Он знал, что Нижний город полон неприятных запахов, но подобного не ожидал. И пусть бы дожди слегка приглушили смрад, но... гниль. Ржавчина. Гибнущий металл. Едкий серный дым, которым пропитался воздух, вода и сама земля. Испражнения. И тухлая застоявшаяся вода.

Кейрен подавил первое желание — вернуть заглушки на место — и заставил себя дышать. Он отсчитывал секунды вдоха, глотал воздух и выплевывал его с хрипом, с сипом, приучая к этой дикой смеси запахов. Ненадолго показалось, что все-таки не сумеет — закружилась голова, и колени подкосились. Упал бы, если бы не была столь отвратительна мысль, что ему придется падать в... это.

...О том, из чего «это» состоит, Кейрен старался не думать.

— Найду, — пообещал себе Кейрен, вытирая со лба не то дождь, не то испарину, — и вздерну. Самолично.

Его вряд ли слышали, но полотно ароматов вдруг поблекло, позволив разобрать отдельные тона. Кейрен перебирал нити запахов быстро, вычлняя тот, который мог принадлежать беглецу.

Беглянке.

Женщина. Запах мягкий и вместе с тем терпкий, колючий... и все равно мягкий...

Дорожка стремительно таяла в пелене дождя, который спешил помочь ей.

Ну уж нет!

Если Кейрен и оказался здесь, то от своего не отступится.

Идти по следу было... интересно.

Почти как охота, хотя и она оставляла Кейрена равнодушным, что в глазах семьи лишь подтверждало некоторую ущербность младшенького. И когда впереди замаячила тень, серая, полуразмытая, Кейрен не отказал себе в удовольствии продлить игру.

— Леди, — он остановился, наблюдая за тем, как беглянка вздрогнула и обернулась, — не стоит бегать. Все равно ведь догоню.

Она показала неприличный жест и рванула. Бежала быстро, кидая заячьи петли по мусорным кучам, и Кейрен распутывал их, чувствуя, как азарт накрывает с головой. Догонит.

Рано или поздно, но она выдохнется.

Или решит, что сумела избавиться от него. Спрячется в укрытие, которое будет казаться ей надежным. И Кейрен позволил себе отстать.

На краю сознания мелькнула мысль, что эта погоня может закончиться совсем иначе,

нежели он предполагает, что надо бы вернуться к складам, к охране — наверняка его присутствие не осталось незамеченным. Или хотя бы сигнал подать.

Но Кейрен отмахнулся.

Ему больше не было холодно. Напротив, он давно уже не ощущал себя настолько хорошо. И когда след привел к черной ямине, у которой застыла беглянка, он рванулся.

Поймал.

И выпустил, едва не взыв от боли: вдоль запястья протянулась темная полоса. Живое железо, смешавшись с кровью, затягивало рану. А девица спешила спрятаться в яме. Кейрен, не раздумывая, прыгнул следом.

И выругался: запах жертвы терялся среди смрада сточных вод.

— Эй... — Голос отразился от стен, и Кейрен остановился, пытаясь сообразить, где находится.

Под землей.

Кейрен вытянул руки, и пальцы коснулись холодного камня.

Труба?

Нет, скорее уж галерея со сводчатым потолком, который местами осыпался. Потолок был достаточно высоким — Кейрен мог стоять в полный рост, а тоннель — просторным. И Кейрен сделал шаг... другой и третий... след звал, и удержаться было невозможно.

Кемдэйтаунские катакомбы!

Конечно, Кейрену доводилось о них слышать. Большинство подобных историй он полагал досужим вымыслом, но... катакомбы существовали! И девице явно доводилось бывать в них не раз и не два. Здравый смысл вновь потребовал остановиться и вернуться к складам. В конце концов, если хотя бы часть рассказов правда, то заблудиться здесь проще простого.

Но цель была так упоительно близка, и Кейрен, оглянувшись — темнота стала крошечной, плотной, — поспешил по следу.

Его добыча его выведет.

Он молчал. Шел, не поторапливая, но и не отставая, позволяя себе получать удовольствие от этой затянувшейся погони. Падал порой, уже не думая ни о костюме, испорченном безвозвратно, ни о холоде, ни о занемевших пальцах.

Отогреется.

Догонит. Уже немного осталось. Она близка. И дышит сипло, сквозь стиснутые зубы. Спотыкается. Порой позволяет себе остановки на секунду или две... и тогда Кейрен ждет, давая ей отдышаться. Еще немного... минута... и еще...

Она остановилась.

И Кейрен тоже. Пользуясь минутой, он прислушался к темноте. Вода. Камень. Металл, старый, но покрытый толстым слоем ржавчины. Звуки тонут, значит, пространство огромно. И стена, которой Кейрен придерживался кончиками пальцев, исчезает.

Зал?

Похоже на то.

И охоту пора завершать.

Он подходил осторожно, стараясь не тревожить воду. И получалось, если девушка, чей запах стал сильным, ярким, оставалась на месте. Она вертела головой — Кейрен не столько видел, сколько ощущал и ее движение, и страх, и злость, которая придавала ей сил. Его добыча была сильной. У Кейрена почти получилось дотянуться до девушки, когда земля

вздрагнула эхом далекого взрыва. И совсем рядом прозвучало:

— Проклятие!

— Стоять! — Кейрен рванулся и вцепился в руку, сжал, наверное, слишком сильно, если незнакомка зашипела от боли.

Ничего, он позже извинения принесет.

Ему удалось перехватить вторую руку и выкрутить, раскрывая ладонь.

— Отпусти! — взвыла девица, роняя нож, который ушел под воду с тихим всплеском.

Без ножа она нравилась Кейрену несоизмеримо больше. Она рвалась, пытаясь выскользнуть, била руками по груди, царапала, выворачивалась, пиналась. И материлась.

— Не стоит, леди, я вас все равно не отпущу.

— Ублюдок.

— Простите, но у вас нет оснований сомневаться в законности моего происхождения.

Она была забавна в своем гневе.

— Тварь! — Женщина вновь пнула ногу, и пинок получился болезненным.

— Пожалуйста, прекратите сопротивление. Мне не хотелось бы причинить вам боль. — Кейрен прижал незнакомку к себе и, наклонившись, вдохнул запах ее волос. Влажные. Жесткие. С терпким ароматом сандала... или нет, не сандал, но каленое железо... или что-то другое, но тоже приятное.

Поймал.

Совсем поймал.

— Ты... — Она и не думала успокаиваться.

Попыталась отстраниться.

— Что ты творишь?

Ничего. Наверное. Он и сам не совсем понимает, точнее та его часть, которая разумна, точно знала, что Кейрен должен был сделать. Связать этой красавице руки, вывести на поверхность и допросить.

— Я тебя поймал. — Кейрен потрогал губами жесткую прядку.

— Ненормальный.

Она хотела добавить еще что-то, но замерла, странно выгнувшись.

— Слышишь?

Дернулась.

— Отпусти!

Слышать что?

Гудение. Шелест, который нарастает с каждой секундой, пока не превращается в грохот, а грохот, отраженный от стен, запертый в узком русле галереи, оглушает. Ощущение близкой опасности запоздало резануло по нервам.

Бежать.

Поздно. Зал вздрогнул. Покачнулся, сыпанул с потолка мелкой каменной крошкой. И в следующий миг удар в спину опрокинул Кейрена. Он перекатился, не разжимая рук, попытался встать, но не сумел. Водяной поток накрыл с головой, сбил с ног, потянул, выламывая кости. И Кейрен вынужден был отпустить свою добычу. Вода прибывала стремительно, порождая сотни водоворотов. Грязная. Смердная. Забивалась в горло, заливала нос. Кейрен пытался задержать дыхание, но надолго у него не получалось. Он хватал воздух губами и захлебывался. Плыл, выплывал, стараясь не думать о том, что плавать так и не научился.

Держался кое-как.

Пока не заблудился в смрадном потоке. Выплыл. Выдохнул вроде бы, но вновь ушел под воду. Он барахтался, пытаясь сопротивляться, но собственный костюм из отменной шерсти, сшитый на заказ, сковывал движения. И ботинки тянули вниз.

Долго он не продержится.

А рассчитывать здесь не на кого. Все-таки Кейрен из рода Мягкого Олова отличался редкостной невезучестью.

Плывать Таннис научилась сама. Да и то дело, у реки жить и на воде не держаться? Смешно. Все ведь ходили, кто стирать, кто купаться. До самых морозов, а случалось, что и после.

Нырjali.

С пристани, со старых мостков, с разбегу, да еще чтобы с кувырком, по-хитрому. Некоторые и на мост забирались. Таннис тоже как-то попробовала и навсегда запомнила, что собственный страх, от которого оцепенели колени, что смелость — все ж шагнула к сизой далекой воде, что ощущение полета, закончившегося столкновением. Вода была твердой, пусть бы и раздалась, принимая Таннис. Воздух выбило из легких. И тугая боль прошла по мышцам рук, сковала спину, словно бы вода взяла Таннис в кулак и теперь думала, не раздавить ли...

Отпустила.

И Таннис потерялась, ненадолго, но этого хватило, чтобы испугаться по-настоящему. Показалось, что она никогда не доберется до поверхности. И страх подстегнул. В тот раз Таннис колотила ногами и руками, не думая ни о чем, кроме воздуха. Когда же прорвалась тонкая водяная пленка и Таннис сделала вдох, она рассмеялась от счастья: живая!

А вечером мамаша, которой о забавах донесли, взялась за ремень и гоняла Таннис по квартирке, пока рука не устала, за глупость, значит.

И за то, что снова с Войтехом ходила.

Но как бы там ни было, а плавать Таннис умела.

Водяной поток сбил ее, закружил, поволок по полу. Ее ударило о стену, протянуло вдоль нее, выбивая из стиснутых губ пузырьки воздуха. Держаться. Расслабиться, позволяя воде подтолкнуть себя. Проскользнуть под рукавом водоворота, оттолкнуться ботинками, такими неудобными, тяжелыми, и вверх. Выше. Сильней. Не поддаваться страху.

Не паниковать.

И не думать о том, что зал может затопить до самого потолка.

...не такой он и высокий.

«Голова тяжелая, ко дну тянет», — шутил когда-то Войтех, который как никто другой умел с водою ладить. Он забирался и на старый мост, и на вершину древнего, полуразвалившегося дома, и к новой пристани ходил, где над водой высоко поднимались журавлиные шеи кранов.

«Не надо думать о том, что делаешь».

Он шагал в пропасть легко и летел раскинув руки. Полет длился недолго. В воду же Войтех входил без всплеска, без звука.

«Твое тело само знает, как надо. Позволь ему...»

Таннис пыталась научиться, но не успела...

...Тело Войтеха однажды подвело хозяина, пусть и не по своей вине. А может, и права

мамаша была, говоря, что такие, как Войтех, своей смертью не умирают.

Умирать Таннис не хотелось.

Легкие горели. И Таннис сдерживала ругательства, заставляя себя двигаться без лишней суеты. Выше. Еще раз. И вот водяная пленка рвется беззвучно, выпуская ее, а теплый, застоявшийся воздух подземелья наполняет легкие. Дышится легко. И под пальцы попадает решетка, за которую можно уцепиться. Силы надо беречь: как знать, насколько она здесь застряла.

Вода уйдет на нижние ярусы, но пока... Таннис вцепилась в решетку обеими руками. Ботинки тянули ко дну, и, пожалуй, она могла бы снять их, но... остаться без ботинок? И без денег? Ну уж нет, потерпится. Она висела на решетке, прислушиваясь к окружающей ее темноте, в которой прятался тот, кто догнал Таннис. Что с ним стало?

Выплыл?

Утонул?

И хрен бы с ним...

— Эй, — ее голос, и без того лишенный всякой мелодичности, после купания и бега вовсе стал хриплым, — ты где там?

Тишина. Всплеск воды.

Точно утонул.

Или тонет.

— Сюда гребь. Тут решетка...

Нет, он, конечно, полицейский и ее не пожалеет, и вообще к ним у Таннис отдельный счет, но... вот чтобы просто бросить... это ж не убийство... он сам... Потом вода схлынет, и Таннис уйдет без помех...

— Эй... как там тебя...

Молчит?

Барахтается ведь рядом, теперь Таннис слышит и чувствует по воде, которая начала облегать, а значит, и вправду скоро схлынет. Но этот до отлива не дотянет. И Таннис, обложив его по благородной мамаше на сей раз вслух — как-то сразу и полегчало, — оттолкнулась от решетки.

— Не дергайся! — сказала она, схватив ищейку за шиворот. — Я тебе помочь хочу.

— Поймала, — отплевываясь, едва не захлебываясь, пробормотал тип.

Вот придурок.

А главное, что тяжеленный и руками по воде шлепает, барахтается, только брызги и поднимает. Бестолочь несчастная... плавать небось совсем не умеет. И Таннис, выругавшись, дотянула-таки до решетки.

— Знаете, — он сообразил за прутья ухватиться, — с вашей стороны было весьма благородно оказать мне помощь. Признаться, не рассчитывал.

Таннис отодвинулась на несколько прутьев. Он тотчас последовал за ней.

Вытащила на свою голову.

— Слушай, — Таннис кое-как высвободилась из куртки, правда, сначала вытащила из кармана кое-что нужное, раз уж по милости этого недоумка она без шила осталась, — давай договоримся?

— О чем, леди?

— Вода уйдет. — Выпутаться из свитера было куда сложнее, но у Таннис получилось. Правда, выбрасывать не стала, закрутила на прут. Глядишь, повезет после отлива голой не

остаться. — И мы разбежимся. Я пойду своей дорогой, а ты — своей. Сделаем вид, что друг с другом не знакомы.

Вода была не холодной — ледяной.

А главное, пока держалась.

— Леди, если вы подвинетесь чуть ближе, нам обоим станет немного теплее.

Вежливый какой. Охренеть просто.

— Знаете, я от всего сердца ненавижу холод, — продолжил тип разлюбезным тоном. — У меня сосуды слабые.

Надо же, до чего нежное создание. Сосуды слабые... Но в словах его имелся резон, да и то, что Таннис задумала, не выйдет, если не подобраться вплотную. Перебирая прутья, она подплыла настолько близко, что задела его локтем. И тип развернулся, сгреб Таннис в охапку и прижал к себе.

Он и вправду дрожал, да так, что зубы клацали.

— Так что? — Таннис и сама тряслась, не то от холода, не то от страха. Не догадается ли? — Договорились?

— Конечно, — как-то легко согласился тип.

Врал.

Вот почему все вокруг Таннис за дуру держат? Она вздохнула. Лучше бы ему было правду сказать... а еще лучше — согласиться на ее предложение. В конце концов, он ей жизнью обязан.

Только ж для полицейской ищейки такие долги — запахло...

— Леди, я обещаю, что позабочусь о вас.

Таннис и сама о себе прекрасно позаботится, без посторонней помощи. Только пусть вода уйдет.

— Кейрен, — сказал тип, зарываясь носом в мокрые волосы Таннис. Она хотела оттолкнуть, но передумала — дыхание его было теплым, а тепла ей определенно не хватало.

Кейрен, значит.

Красиво.

И наверняка ждет, что и Таннис представится. Хотя... почему бы и нет?

— Таннис.

А вода отползала. Медленно.

— Взрывом, наверное, повредило шлюзы, — сказал Кейрен, перехватывая ее под грудью. Второй рукой он держался за решетку. — Но ведь бомба предназначалась не для этого, верно?

Что он хочет? Чистосердечного признания?

Не дождется.

— Я заметил тебя. На склад заглянул. Интересно стало, что там. Иногда в таких местах находишь крайне неожиданные вещи. А тут ты...

Ага. Нашлась.

Неожиданно. Крайне.

Проклятие! Как можно было его не заметить? Такого длинного, наглого и в белом костюме.

— Мне стало интересно, почему посыльный посылку утопил. Я вообще любопытный. — Кейрен дрожал, и чем дальше, тем сильнее. — И невезучий.

Тогда их таких двое. Таннис и за собой особого везения не заметила.

Уровень воды медленно опускался. Еще немного, и ноги коснутся пола... и тогда Таннис утратит единственное свое преимущество.

— Невезучий, значит? — спросила она, пошевелив пальцами. Кастет был старым и немного неудобным, но какой уж есть. Главное — вовсе череп не проломить.

— Есть такое...

Это точно, невезучий...

Зато голова крепкая. Бить пришлось дважды. И Таннис подхватила обмякшее тело, не позволяя ему съехать в воду.

— Прости, но...

В бездну реверансы. Дальше-то что делать?

Уйти? И бросить его здесь? А он найдет обратную дорогу? Вряд ли... еще на подземников наткнется, а эти церемониться не станут. Им что беглец, что ищейка — все еда. Нехорошо выйдет. Да и оставь его, то где уверенность, что он вновь не двинется по следу Таннис? У него же как-то получалось... и значит...

До чего все сложно!

Вода схлынула, убравшись в лабиринт нижних галерей. Сняв с прутьев влажный ком свитера, Таннис кое-как отжала его, с тоской подумала, что деньги в ботинках наверняка промокли. И вода-то была речная, со стоками смешанная... отстирывать придется, а потом сушить.

Хреново.

Ничего, в убежище она разберется и с деньгами, и с Кейреном... благо есть куда запереть. И повязав свитер вокруг пояса, Таннис вздохнула.

— А уж я какая невезучая, — буркнула она, приподнимая Кейрена. Тяжелый... хотя не тяжелее мешка с шерстью. Перекинув Кейрена через плечо, она решительным шагом направилась к тайнику.

Злость подгоняла. И даже крысы, попадавшие на пути, взбудораженные взрывом и наводнением, чуяли настроение Таннис и спешили убраться с дороги. Она слышала шелест лап, писк, суету под ногами.

Плохо, что свечу взять не вышло, и хорошо, что дорогу Таннис наизусть помнит.

...А в тайнике есть и лампа, и масло, и много полезных вещей. Не зря, выходит, Таннис столько лет за убежищем присматривала, словно чуяла, что пригодится.

Пригодилось.

Войтех был бы доволен. Правда, от ноши посоветовал бы избавиться.

Ножом по горлу и в канаву... черта с два бы его нашли под землею...

Нет уж...

Пять ступенек. И шаг влево. Переступить через трещину. Вновь ступеньки... лестница узкая, как развернуться в пролетах, особенно если с ношей. И наконец, гулкое пространство подземного зала.

— Прибыли, — с облегчением сказала она, сбрасывая Кейрена. Тот, к счастью, был без сознания. В тайнике пальцы коснулись мягкого крысиного бока, но Таннис рывкнула: — Прочь!

И крыса убралась, признавая за Таннис право на эту территорию.

В углублении — некогда Войтех сам вытаскивал кирпичи, расширяя нишу — лежала лампа, заправленная маслом, запасная одежда, металлическая коробка со спичками и честно заработанными деньгами. А еще краюха черствого хлеба и фляга с дешевым ромом, который

пришелся как нельзя кстати. Благо спички не успели отсыреть, и лампа зажглась сразу. Для притерпевшихся к темноте глаз желтый ее огонек был слишком резким, и Таннис зажмурилась, досчитала до десяти и вновь открыла глаза.

Так лучше.

В убежище со времени последнего ее визита ничего не изменилось. И вода сюда не добралась, что вовсе замечательно.

— Будем жить, — сказала Таннис крысе, которая, забравшись на узкий каменный парапет, следила за происходящим. — Ну или хотя бы попробуем.

У Таннис не было привычки разговаривать с собой, но уж больно неудобным было это место, некогда являвшееся частью Клеркенуэльского арестного дома, но давно уже заброшенное, позабытое, как забыто было все, что скрыто в подземельях города.

Оно дремало в полусне-полужизни, едва ли вспоминая о тех, кому случалось бывать здесь.

Бурый кирпич стен. Темные прожилки строительного раствора. Пятна плесени. Крюки, на которых некогда крепились факелы, и черные следы копоты, намертво въевшейся в камень. Цепи, свисавшие со сводчатого потолка. Клещи, штыри, иглы, покрытые толстым слоем ржавчины. Полуистлевшая плеть, свернувшаяся змеей.

Клетки.

И древний массивный стул, намертво прикрученный к полу. Древесина побурела, да и сам камень под стулом изменил цвет. Крысы не тронули ни дерево, ни цепи, которые свисали с подлокотников и ножек. Таннис старалась не думать о том, кого и когда на этот стул усаживали.

И о том, что Войтеху нравилось храбриться, устраиваясь в этом самом кресле.

...Она и сейчас ощущала на себе насмешливый его взгляд.

Он бы не стал с ищейкой церемониться.

— Уж извини. — Она присела рядом с Кейреном и, прижав пальцы к шее, убедилась: жив. Все-таки жуть до чего не хотелось становиться убийцей. — Но я тебя потом отпущу. Попозже.

А хорошенький какой. Сухощавый, тонкий, что девица... обходительный...

Таннис подвинула лампу к его лицу.

Нет, не девица, вон какой подбородок массивный. И с ямочкой. Скулы острые. А нос с горбинкой, которую Таннис, не удержавшись, потрогала. Родинки на щеке... такие странные родинки... выпуклые, круглые, аккуратные... бархатистые на ощупь.

— Вот задница. — Таннис отдернула руку.

Он невезучий? Да это ей не повезло связаться с псом! Да какого лешего...

Нет, она никогда не видела их так близко. На заводе случалось появляться полукровкам, но этот... а как на человека-то похож, сволочь. То-то так легко согласился разойтись. Он бы тихонько выждал и по следу... если правда, конечно, что про них говорят...

Таннис задумалась. Говорили много и всякого, но она подозревала, что большая часть историй — обыкновенные байки.

И что теперь делать?

Сбежать?

А куда? Домой? И его за собой привести?

Не домой? Так ведь все равно след останется... надо из города уходить. Мир большой, всем места хватит. Вот когда она готова будет, тогда и выпустит. А пока...

Таннис огляделась и, остановив взгляд на клетке с самыми толстыми прутьями — ее всегда занимал вопрос, зачем они нужны, такие, каждый с ее руку толщиной, — хмыкнула. Ничего, пусть посидит денек-другой. С него не убудет.

Взяв тело за подмышки, Таннис потащила его к клетке. В ней и лежак имелся, к стене прикрученный. Таннис и одежду псу оставит, для начала свою, а там и по старым запасам пошарится, небось не все истлели. И одеяло ватнее кинет, пусть старенькое, чутка попорченное крысами, но теплое. И вообще, он сам виноват, нечего было за нею гоняться... тоже, леди нашел... оставался бы со своими ледями, тогда и ей мороки не прибавилось бы.

В клетке Таннис не без труда взвалила тело — все-таки крепко она его ударила — на лежак. Отошла. Подумала и вернулась. В мокрой одежде еще околеет. Благородный, небось и здоровье хрупкое.

Раздевала быстро, злясь и на себя, и на него.

А костюмчик ничего, если очистить. Папаша Шутгар по старой памяти примет... и ботиночки почти новые... бумажник... деньги — это хорошо. А вот брегет приметный будет, но папаше не впервой с горячим товаром дело иметь, сумеет найти покупателя. Перстень Таннис снимать не стала. А бляху королевского следователя — вот же угораздило ее связаться! — бросила на лавку. На нее же положила старый свой свитер и штаны. Конечно, коротковаты будут, но ничего страшного, не перед крысами же ему здесь красоваться, в самом-то деле.

Укрыв Кейрена одеялом, Таннис погладила его по встрепанным волосам и пробормотала:

— Ничего. Как-нибудь... разберемся.

Клетку она закрыла и, обмотав цепью, толстенной и с виду надежной, несмотря на покрывающую звенья ржавчину, Таннис не без труда повернула ключ в огромном замке.

Надо будет масла принести, смазать. И Войтеху спасибо сказать, пусть бы он не о Таннис, но о товаре заботился.

...вот только не услышит.

— Я тебя выпущу, — пробормотала она, стягивая ботинки. Тепло, порожденное ромом, уходило, и Таннис вновь начало потрясывать от холода. — Честное слово, но немного попозже.

Сначала она высушит деньги, благо от воды ассигнации не сильно пострадали, попрощается с мамашей, объяснив ей, что надо бы сменить место жительства, и изучит расписание дилижансов.

Конечно, жаль покидать знакомые места, но... этот ведь не отстанет.

Кейрен, не приходя в сознание, свернулся клубком. Мерзнет, бедный... он же говорил, что сосуды слабые. И Таннис мысленно пообещала ему раскопать еще одно одеяло. Или два, если не истлели.

Благородный все-таки.

Нежный.

Дите стало лучше.

Она сидела в кресле и перелистывала страницы журнала, делая вид, что всецело увлечена если не чтением, то разглядыванием картинок. Но Брокк чувствовал на себе ее взгляд, и взгляд этот мешал думать.

— Что? — спросил он.

— Ничего. — Дита улыбнулась. — Думаю, поздравить тебя со свадьбой или сочувствие выразить?

О его свадьбе «Светская хроника», стремясь исправить «досадную ошибку», писала в самых восторженных тонах. И Дита, читая статью, с трудом сдерживала смех, а у Брокка не получалось сердиться на нее. Напротив, если этот фарс развеселил ее, то в нем имелся хоть какой-то смысл.

— Расскажи о ней, — попросила Дита, закрывая журнал. — И не хмурься, я все равно не поверю, что ты злишься.

— Слишком хорошо меня изучила? — Брокк отложил записную книжку. Рассказать о жене?

Кэри, последняя искра угасающей жилы. Лунное дитя с белыми волосами и глазами цвета янтаря. С привычкой смотреть сквозь ресницы, тоже светлые, словно пеплом припорошенные. Какая она?

Настороженная. Уже не испуганная, скорее опасаящаяся.

Чего?

Брокк не знал.

Она ступала бесшумно, а прежде чем выглянуть в коридор или войти в комнату, замирала на несколько секунд. Прислушивалась? Прячала в юбках вздрагивающие руки? И сторонилась зеркал.

Его жена носила серые платья, закрытые и скучные.

Смотрела в пол.

И не заговаривала, если к ней не обращались.

Ее страхи все еще жили, но Брокк сторонился и их, и ее самой, не желая нарушать хрупкое равновесие.

Об этом говорить нельзя, но Дита ждет.

— Она... пожалуй, она ребенок. Постарше Лили будет, но все равно ребенок. И выглядит ребенком.

— Тебя это раздражает?

— Нет.

— Тогда в чем дело? — Дита приподняла бровь и тут же болезненно скривилась. — Если ты скажешь, что все в порядке, я тебе не поверю.

Вновь она угадала. Нет, не в порядке.

Эйо с мужем ушла на Перевал, а во вновь осиротевшем доме поселилась девочка с желтыми глазами, не способная заполнить его пустоту. Она редко выглядывала из комнаты и старалась держать дистанцию, что даже хорошо, потому что сближаться с нею — глупость невероятная.

Брокк вежлив.

Она — предупредительна и послушна.

Наверное, Кэри можно было бы отослать, но...

— Сложно все. — Брокк коснулся витражного стекла. Лампа, купленная в антикварной лавке, нравилась Дите своей безыскусной красотой: молочно-белый фон и синие, красные, зеленые рыбины. — Сложно... она из Высших.

— И что?

— Ничего.

— Ты ей не нравишься?

— Нет, но... не знаю. Я не разговаривал с ней.

Случайные встречи. Совместные завтраки, которые проходят в настороженном молчании. И взгляд Кэри, устремленный если не на скатерть, то на его руки.

Знает?

Определенно. И если пока это знание не пугает ее, не вызывает отвращения, то скоро все изменится.

— Попробуй поговорить. — Кресло Диты покачивается, скрипит. — Как знать, вдруг понравится?

— Смеешься?

— Ничуть. — Она замялась и, сняв перчатку, вытянула руку. Дита разглядывала ее с удивлением. Сухая ладонь и тонкая пергаментная кожа, на которой проступили темные пятна. Ногти, напротив, сделались белы, хрупки. — Дело в том, что она из Высших, верно? И ты... опасаясь, что та старая история повторится?

— Она и повторится. Если я позволю.

— И ты думаешь, что, делая вид, будто тебе все равно, ты что-то изменишь?

— Я...

— Брокк, — прежде Дита не решалась перебивать его, — наверное, я не имею права указывать тебе, в конце концов, я ничего не понимаю в ваших отношениях, но мне кажется, ты обвиняешь свою жену в чужих грехах. И если она и вправду ребенок...

— Дети вырастают.

— Именно. Ты уже видишь в ней врага и сделаешь ее врагом. Попробуй иначе.

Брокк, повторяя ее жест, стянул перчатку. Тень его металлических пальцев скользнула по лампе, распугивая стеклянных рыб.

— Боги, ты переоцениваешь свое...

— Уродство.

— Я этого не говорила!

— Верно. — Брокк сжал кулак. — Ты добра. И ты человек.

— Это что-то меняет?

— Все.

Дита молчала, ожидая продолжения. А Брокк подбирал слова, чтобы объяснить то, что для него было очевидно.

— Я не способен защитить. — Металл сохранял тепло и подобие жизни, но оставался лишь металлом.

— Кого?

— Себя. Жену. Род. Я калека. Несомненно, полезный короне, но... это ничего не меняет. Я слаб, Дита. Лично я слаб. И как только в роду появится хоть кто-то способный встать на мое место...

— Ты его уступишь без боя. Но при чем здесь твоя жена?

Она человек, а у людей все иначе.

— Сейчас она смотрит на меня... настороженно.

И внимательно, подмечая любой жест. Оценивает? Ждет, когда он оступится, совершит ошибку? Брокк не знал. Но его компания вряд ли была ей по душе. Исполнив обязательный ритуал совместного завтрака, Кэри с явным облегчением пряталась в своей комнате. Она следила за Брокком, но издали, словно стесняясь этого своего интереса или же, напротив, опасаясь его гнева, пусть бы он никогда не давал ей повода думать, что способен обидеть.

Она была тиха.

Незаметна.

Девочка-призрак, о присутствии которого говорит лишь тонкий аромат гортензий, что остается на коврах и вплетается в многовековую тишину библиотеки, цепляется за корешки старых книг. Этот запах лозой обвивает дверные ручки, распускается узорами на столовом серебре, на скатертях и вазах...

— Она вырастет.

Его жена красива, но сама не понимает этой красоты, скрывая ее за простыми серыми платьями, которые слишком унылы, чтобы их и вправду выбирала Кэри.

— И поймет, как следует ко мне относиться.

— Как?

Вопрос Диты заставляет болезненно кривиться.

— Со снисхождением. Жалостью.

И не более того.

— Рано или поздно, но рядом с ней появится кто-то, кто... более ей соответствует.

Брокк видел, как это бывает.

Знакомство.

И несколько случайных встреч. Букет цветов и скромная визитка. Ничего не значащие фразы. Совместная прогулка в парке...

— И мне останется отойти в сторону и сделать вид, что я ослеп, оглох и слишком занят, чтобы заметить, как... самолюбие пострадает, но и только. В конце концов, я привык.

Дита слушала внимательно, упершись сухими пальцами в подбородок.

— Король не станет вмешиваться в семейные дела. А я... бросить вызов? Смешно. — Железные пальцы разжались со скрипом. — Его примут. Нет, вряд ли меня убьют, мой соперник...

— ...которого еще нет...

— ...не станет искать себе лишних неприятностей. Но жизнь, оставленная вот так, — это дополнительное унижение.

— Дело не в этой девочке, хотя ты уже обвиняешь ее в предательстве, которого она не совершала. — Дита прервала молчание, теперь она смотрела не на Брокка, но на разноцветных рыбок, вплавленных в молочно-белое стекло. — Дело в тебе. Помнишь, что ты сам мне сказал, когда я узнала о болезни? Шансов нет, но это не повод, чтобы сдаваться. А ты, Брокк, сдался. Заранее признал поражение и теперь ищешь в нем виноватых. Прости, если обидела.

В ее словах была своя правда.

— Дай ей шанс. И себе тоже, Брокк. Нельзя вечно прятаться по углам.

Возможно, но...

— Страшно поверить?

— Скорее, поверив, страшно ошибиться. — Брокк надел перчатку, под тонкой кожей скрывая металлическую руку.

Дита не ответила — заснула, и сон ее, как и во все предыдущие дни, был глубок. Брокк убрал с журнала ее руку, вялую, с сухой мягкой кожей, которая, казалось, при неосторожном прикосновении лопнет, расплывется. Он коснулся волос, лица... Сколько ей осталось?

Месяц?

Два?

И вновь пустота и одиночество, тщательно оберегаемое от посторонних.

Пролистав журнал — в этом сезоне дамам настоятельно рекомендовали носить синее и лисий мех, — Брокк бросил его на стол. Вернувшись в кресло, к светильнику и рыбам, он вытянул ноги и закрыл глаза.

Жена? Он с ней поговорит... когда-нибудь, когда будет свободен от дел. Или хотя бы одного, нынешнего.

Четыре имени.

Четыре человека. И каждому из четверки Брокк верил как себе самому. Вновь и вновь он перебирал их, словно костяшки домино, силясь разглядеть за нанесенным рисунком еще один, скрытый смысл.

Ингольф из рода Высокой Меди.

Бастард, и об этом обстоятельстве он не позволяет забыть ни себе, ни окружающим. Он молчалив и заносчив, как может быть заносчив тот, в ком есть кровь Высших. Самолюбив. Обидчив.

Но умен, а что хуже всего — умел.

Мог ли он?

Светловолосый, светлоглазый, имеющий отвратительную привычку тщательно подбирать слова, и так, что в каждой произнесенной им фразе чудился иной, скрытый смысл. В дурном настроении он язвил, высмеивая всех и вся, но... предать?

...тридцать семь лет.

И карьера, которая достигла потолка, если только...

Брокк дернул себя за прядь, призывая успокоиться, но дурные мысли не отступали. Быть может, дело вовсе не в справедливости как таковой? Не в возмездии? Смешно думать, что тот, кто принимал участие в создании огненных шаров, ныне преисполнился праведного гнева и загорелся идеей мести. Все проще.

Место.

Кто его займет, если Брокка вдруг не станет?

Ингольф? Пожалуй. Его поддержит род, которому подобный статус будет выгоден. Ингольф не молод, но и не стар. Умен. Опытен. Лишен фантазии. Он хороший исполнитель, но не более, пусть бы самолюбие мешало ему признать сей факт.

Риг и Ригер. Братья из Темной Ртути. Близнецы, столь разительно непохожие друг на друга. Риг высокий, молчаливый и задумчивый. Он нетороплив и даже скуп, что на слова, что на мысли, которые порой занимают его так, что Риг теряет тему беседы. Он талантлив, безусловно, но нерешителен во всем, что касается собственных идей. И каждую новую мусолит долго, облепляя пустыми сомнениями, пока не превращает в нечто нежизнеспособное.

Ригер же за каждую идею цепляется, спорит до хрипоты, до пены, отстаивая ее право на

жизнь. И берется воплощать тут же, на месте. А когда не получается — с первого же раза не получается никогда, — он впадает в тоску, правда недолгую. Все его эмоции быстры. Ригер, темноволосый, всклокоченный и привычно-неряшливый, бурлит, легко впадая в гнев, остывая, тут же проникаясь раскаянием по поводу собственной несдержанности. Он многословен и в чем-то бестолков, но...

...в работе с огнем Ригер становится иным — холодным, собранным.

Чуждым.

Могли бы? Риг? Однажды справился со сворой пустых страхов и довел идею до воплощения? Но чего ради... справедливости? Корысти?

Брокк перевернул монету.

Выгода?

Риг не так богат, но все знают, что давно и безнадежно влюблен. В кого? Тайна, которую Риг хранит столь же рьяно, сколь государственные секреты. Но ясно, что девица эта — не для него... или же шанс есть, если Риг сумеет воспользоваться?

Ригер азартен не в меру. И время от времени проигрывается. В такие дни он появляется в лаборатории поздно, непривычно раздраженным. От него несет перегаром и дешевыми духами — проигрыши Ригер предпочитает отмечать в борделях средней руки...

Проигрался? И кто-то, скупив долговые векселя, вынудил Ригера сотрудничать?

Версия ничем не хуже остальных.

Олаф из сурьмяных. Зеленоглазый насмешник, который воспринимает работу как игру. Он молод и талантлив и прекрасно о том осведомлен. Честолюбив? Пожалуй, что нет. И правила ему в тягость. Он нарушает их, но границы Олаф чувствует, что с людьми, что с правилами.

Мог бы?

Этот, пожалуй, не ради места, но из азарта, желания доказать собственную силу...

Проклятие!

Брокк поднялся в раздражении, и монета, выскользнув из пальцев, упала, покатилась меж досок паркета.

Деньги. Честолюбие. Любовь... и азарт.

Кэри, встав перед зеркалом — а зеркало в ее новой комнате было огромным, — рассматривала себя. Занятие это не сказать, чтобы было таким уж увлекательным, но... что с ней не так?

Лицо. Длинное такое. Худое. И подбородок узкий. Некрасивый? Кэри не знала. Ямочка вот имеется. Кэри закрывала ее пальцем и вновь открывала. Обыкновенный, если разобраться, подбородок. И губы тоже, разве что чересчур пухлые. Кэри растягивала их в улыбке, сжимала, выпячивала, поворачиваясь то левым, то правым боком к своему отражению. Но ведь не настолько они большие, чтобы вызывать отвращение. Щеки... их в дамском журнале советовали щипать, чтобы вызвать естественный румянец. И Кэри старательно советам следовала, вот только появлялся не румянец, но красные пятна вроде сыпи.

Жуть.

Нос... нос у нее курносый. Может, в этом дело? В курносости нет и тени благородства, а глаза и вовсе желтые. Брови опять же над переносицей срослись, и пусть бы даже это почти незаметно, но Кэрри-то знает! Она трогала ниточку белых волос, искоса поглядывая на щипчики и набираясь решимости.

Быть может, без этой ниточки она станет чуть более... привлекательной?

Или бессмысленно и пытаться?

Потянув за белую прядку, Кэри вздохнула. Волосы у нее жесткие, непослушные. Горничная вчера два часа вымачивала их в патентованном растворе, обещавшем исключительный блеск и устойчивость прически, а потом больше часа накручивала на специальные косточки, на которых пришлось спать. После такого сна началась мигрень, наволочка пропиталась раствором и приклеилась к голове, косточки пришлось отдирать, но стоило провести щеткой по локонам, чтобы придать, как написано было в инструкции, вид естественный, как локоны исчезли.

Кэри вытянула шею, и отражение поспешило показать, насколько эта шея тоща и некрасива. Ключицы торчат. И плечи острые. Да и вся Кэри, целиком, какая-то угловатая, нелепая, со слишком длинными ногами и руками.

Выродок, одним словом.

Вздохнув, Кэри показала отражению язык и от зеркала отвернулась.

Шла вторая неделя ее замужества, и Кэри была вынуждена признаться самой себе, что она, наверное, все-таки ужас до чего некрасива. Иначе почему первый жених от нее сбежал, а нынешний, уже не жених, но супруг, всячески сторонится? Еще тогда, в день нелепой ее свадьбы, он одарил Кэри взглядом, в котором смешались раздражение и насмешка. И эта его вежливая холодность...

— Леди, будьте так любезны не мешаться под ногами, — передразнила его Кэри, потянувшись к платью, серому и скучному, как и прочие, перебравшиеся в этот дом из дворца. — И вообще сделайте вид, что вас не существует!

Зануда.

И педант.

Ни разу к завтраку не опоздал. А уж выглядит... костюм на нем, надо признать, хорошо сидит. Галстук всегда завязан идеально. Рубашки белы... тоска смертная.

— Доброе утро, леди. — Кэри застегивала пуговики на лифе. Пуговиц было ровным счетом шестьдесят четыре, крохотных, обтянутых серым скользким шелком. И каждая не спешила попасть в петлю, а крючок то и дело соскальзывал. — Погода сегодня отвратительная. Не правда ли? Ах, неправда... солнце...

Солнце и вправду выглянуло, робкое, блеклое, оно пробралось в старый запущенный сад и вычертило белые дорожки на стеклах. Свет разлился по подоконнику, коснулся обоев, некогда нарядных, но ныне выцветших в какой-то сероватый оттенок, словно бы запылившихся.

Комнаты, отведенные Кэри, были велики и унылы.

Старая мебель возглавляемая скрипучим креслом. Широкие его полозья успели оставить след на паркете, и сам он с возрастом побурел, пошел пятнами, а у окна и вовсе поднялся. Паркет натирали мастикой, и он лоснился, но сохранял стойкий аромат старого отсыревшего дерева. Этот запах роднил его с мебелью, вычурной и массивной, чья гобеленовая обивка приобрела неприятный сальный блеск, а золотые нити потускнели. Пожалуй, дом, в котором Кэри выпало жить, был едва ли не старше прежнего и столь же брюзглив, недоволен. Он чувствовал хозяйку и спешил ей жаловаться, но...

Что ей делать с этими жалобами?

Расправив складки на юбке, Кэри вернулась к зеркалу.

Гризетка, ничего другого и не скажешь. И может, конечно, оно и к лучшему, но... кто бы

знал, до чего ей скучно замужем!

Часы пробили девять. И Кэри, мазнув пальцами по лакированному их коробу — жуть до чего хотелось внутрь заглянуть, потрогать посеребренные шишечки-грузики и кружевные изящные стрелки, — покинула комнату. В доме царила привычная уже тишина.

— Леди, — камердинер ее супруга, такой же подтянутый и подчеркнуто-равнодушный, словно ухудшенная копия хозяина, ждал у дверей в столовую, — Райгрэ просил передать вам свои извинения. К его величайшему огорчению, дела требуют его настоящего присутствия вне стен дома...

Кэри вздохнула.

— Он вернется к ужину.

Великолепно. Вернется и по сложившемуся обычаю запретится в мастерской.

А ей что прикажете делать?

Завтракать в одиночестве было тоскливо. И неуютно. Столовая казалась более огромной, чем обычно. Пустой. Необжитой. И еда теряла вкус.

— Терпение, — повторила Кэри, разглядывая собственное отражение в чашке с чаем. — И еще раз терпение. Помни, что терпение — это главная добродетель женщины.

Но Кэри чувствовала, что запасы добродетели в ней подходят к концу. И если она не найдет себе занятие, то...

Она оторвала взгляд от чашки и огляделась.

Вечером, значит, вернется? И если так, то... весь этот огромный пустой дом до самого вечера в полном распоряжении Кэри. Не то чтобы она не успела его осмотреть. Супруг был столь любезен, что устроил небольшую экскурсию, настоятельно порекомендовав не приближаться к мастерской и его личным покоям. Кэри и не собирается. Нужны ей покои... она подозревает, что в доме и без того множество интересных мест.

...Библиотека.

Массивные шкафы, украшенные резьбой, поднимались к самому потолку. В деревянные листья невиданного растения вьелась пыль. И само дерево стало липким, неприятным в прикосновении. Портьеры запирали солнечный свет, и книги прочно сжились с царившим здесь полумраком. Кэри трогала твердые корешки, обещая вернуться.

— ...Глупая, — Сверр вскарабкался по лестнице, и Кэри, вцепившись в нее, навалилась всем весом. Веса было немного, и лестница угрожающе раскачивалась. А Кэри старалась не думать о том, что будет, если Сверр свалится. Или если их застанут здесь.

Кэри запрещено появляться в библиотеке.

Сверр же повис на самом верху, уцепившись рукой за полку, которая казалась жуть до чего неустойчивой.

— Глупая, — повторил он, — самые интересные книги наверху прячут.

Он вытаскивал одну за другой, раскрывал, перелистывал страницы, нимало не заботясь о том, что руки грязные, и возвращал на место.

— Почему?

— Чтобы мы не добрались.

Сверр нашел то, что хотел, и, сунув тонкую книжку за пазуху, спустился.

— Идем. — Он схватил Кэри за руку.

— Но...

Вдруг их поймают? Или обнаружат пропажу? Если книга интересная, то... стало быть нужна?

— Идем, не здесь такое разглядывать...

...и не в музыкальной комнате.

Все музыкальные комнаты похожи друг на друга.

[Купить полную версию книги](#)